КРИСТИН ХАННА

Зимний сад

ph

Кристин Ханна

Зимний сад

«Фантом Пресс»

2010

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

Ханна К.

Зимний сад / К. Ханна — «Фантом Пресс», 2010

ISBN 978-5-86471-926-8

Мередит и Нина Уитсон – сестры, но трудно найти женщин более непохожих. Одна – домоседка, всегда считавшая, что нет лучше судьбы, чем выйти замуж, растить детей и управлять семейным яблоневым питомником. Другая мечтала о странствиях, стала фоторепортером, освещающим гуманитарные катастрофы, и мотается по всему миру, избегая разговоров о будущем и семье. Инфаркт отца сводит сестер вместе в родительском доме. От матери с русскими корнями они никогда не видели ничего, кроме ледяного неодобрения, и даже сейчас Аня не пытается сблизиться с дочерями, проявляя хорошо знакомую им отстраненность. В детстве только одно объединяло их с матерью: сказка про бедную девушку и принца, которую та рассказывала девочкам на ночь. Понимая, что умирает, отец просит дочерей дослушать сказку – до самого конца. Так начинается путешествие двух женщин в прошлое матери, в ее жизнь в блокадном Ленинграде.

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-86471-926-8

© Ханна К., 2010
© Фантом Пресс, 2010

Содержание

Пролог 6
Глава 1 10
Глава 2 19
Глава 3 27
Глава 4 32
Глава 5 41
Глава 6 51
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Кристин Ханна
Зимний сад

Моему мужу Бенджамину, как и всегда;

моей маме – жаль, что ты больше не расскажешь мне историй из своей жизни;

моему папе и Дебби – спасибо за лучшую в жизни поездку и за воспоминания, которые останутся навсегда;

и моему милому Такеру – я очень тобой горжусь.

Твое приключение только начинается

Нет, это не я, это кто-то другой страдает,
Я бы так не могла, а то, что случилось,
Пусть черные сукна покроют,
И пусть унесут фонари…
Ночь.

А. А. Ахматова «Реквием»

Winter Garden by Kristin Hannah
Copyright © 2010 by Kristin Hannah

© Камилла Исмагилова, перевод, 2022
© «Фантом Пресс», оформление, издание, 2023

Пролог

1972

На берегах могучей Колумбии в то морозное время года, когда дыхание вырывается облачками пара, в питомнике «Белые ночи» царила тишина. До самого горизонта простирались ряды сонных яблонь, чьи крепкие корни сплелись глубоко в холодной, благодатной почве. Температура опускалась все ниже и ниже, из земли и неба будто вымывались краски, и в этой белизне дни стали неотличимыми друг от друга. Все замерзло, стало хрупким.

Нигде холод и тишина не были столь заметными, как дома у Мередит Уитсон. В свои двенадцать она уже знала, какие пропасти могут разверзаться между людьми. Она мечтала, чтобы ее семья была похожа на те идеальные и дружные семьи, которые показывают по телевизору. Никто, даже любимый папа, не понимал, какой одинокой, какой невидимой она ощущает себя в этих стенах.

Но завтра вечером все изменится.

Она придумала гениальный план: сочинила пьесу, взяв за основу одну из маминых сказок, и собиралась показать ее на ежегодной рождественской вечеринке. Легко можно представить подобную сцену в какой-нибудь серии «Семьи Партриджей»[1].

– Почему я не могу сыграть главную роль? – хныкала Нина. С тех пор как был дописан сценарий, Мередит отвечала на этот вопрос как минимум в десятый раз.

Развернувшись на стуле, она поглядела на девятилетнюю сестру, которая, сгорбившись и поджав под себя колени, сидела на паркете в детской и рисовала на куске старой простыни светло-зеленый замок.

Мередит прикусила губу, еле сдерживая раздражение. Замок был нарисован неаккуратно, совершенно не так, как нужно.

– Что, опять будем это обсуждать?

– Но почему, *почему* я не могу быть крестьянкой, которая выйдет замуж за принца?

– Ты сама знаешь. Принца играет Джефф, а ему тринадцать. Рядом с ним ты будешь выглядеть глупо.

Нина сунула кисть в пустую консервную банку и села на пятки. Она была похожа на эльфа: короткие черные волосы, ярко-зеленые глаза и бледная кожа.

– А в следующем году ты мне дашь эту роль?

– Обязательно, – ухмыльнулась Мередит. Ей нравилось думать, что ее затея станет семейной традицией. У всех ее друзей были такие, но Уитсоны во всем отличались от остальных. На праздники к ним не съезжались родственники, никто не готовил на День благодарения индейку, а на Пасху – запеченную ветчину, даже произносить молитвы не было принято. Что и говорить – они с Ниной даже не знали, сколько их матери лет.

Все потому, что мама родилась в России, а в Америке у нее не было близких. По крайней мере, так говорил им папа. Сама мама о себе не рассказывала почти ничего.

Мысли Мередит оборвал внезапный стук в дверь. Обернувшись, она увидела Джеффа Купера и папу, вошедших в комнату.

Она вдруг ощутила, будто медленно наполняется воздухом, как надувной шар. Виной тому был Джеффри Купер. Они дружили с четвертого класса, но с недавних пор он стал вызывать у нее непривычное чувство. Волнение. Иногда дух захватывало от одного его взгляда.

---

[1] «Семья Партриджей» – американский комедийный сериал 1970–1974 годов, посвященный жизни вдовы, Ширли Партридж, и ее детей, которые вместе играют в рок-группе. – *Здесь и далее примеч. перев. и ред.*

– Ты как раз к репетиции.

Он улыбнулся, и ее сердце на мгновение замерло.

– Только не рассказывай Джоуи и пацанам. Узнают – в жизни от меня не отвяжутся.

– Кстати, о репетиции, – шагнув вперед, сказал папа. Он все еще был в рабочей одежде – коричневом полиэстеровом костюме с оранжевой строчкой. Вопреки обыкновению, на лице у него не было и тени улыбки – ни под густыми черными усами, ни в глазах. В руке он держал сценарий. – Это тот самый спектакль?

Мередит вскочила со стула:

– Думаешь, ей понравится?

Нина тоже встала. Ее лицо, формой напоминающее сердечко, приняло непривычно серьезное выражение.

– Понравится, пап?

Стоя над простыней со светло-зеленым замком, нарисованным в духе Пикассо, и рядом с кроватью, заваленной костюмами, все трое переглянулись. Хотя вслух они об этом не говорили, каждый понимал, что Аня Уитсон – холодная натура; если в ней и было немного тепла, то отдавала она его только мужу, а дочерям не доставалось почти ничего. Когда они были младше, папа пытался убедить их, что это не так; словно фокусник, он отвлекал их внимание, ослепляя безудержной нежностью, – но в конце концов, как бывает всегда, иллюзия рассеялась.

Так что всем было ясно, о чем Мередит спросила на самом деле.

– Не знаю, Бусинка. – Папа потянулся в карман за сигаретами. – Мамины сказки…

– Я обожаю их слушать, – сказала Мередит.

– В остальное время она с нами почти не разговаривает, – добавила Нина.

Папа зажег сигарету и, прищурив карие глаза, поглядел на дочерей сквозь серое облачко дыма.

– Да, – вздохнул он. – Просто…

Мередит осторожно подошла к нему, стараясь не наступить на Нинин рисунок. Она понимала его сомнения: никто из них никогда не знал наверняка, что может растопить мамино сердце. И все-таки Мередит была уверена, что ее способ сработает. Если мама хоть что-нибудь в мире любила, так это свою сказку о безрассудной крестьянке, осмелившейся влюбиться в принца.

– Спектакль идет всего десять минут, пап. Я засекала. Все будут в восторге.

– Ну хорошо, – сдался он.

Сердце Мередит наполнилось гордостью и надеждой. В кои-то веки она проведет рождественскую вечеринку не в темном углу гостиной, с книжкой в руке, и не у раковины, полной грязной посуды. Вместо этого она будет блистать перед мамой. Посмотрев спектакль, та поймет, что Мередит внимает каждому ее драгоценному слову – даже в тихое и темное время, отведенное для сказок.

В следующий час юные актеры прогоняли пьесу, хотя на самом деле помощь Мередит была нужна только Джеффу. Они-то с Ниной знали сказку наизусть.

Когда репетиция закончилась и все разошлись, Мередит продолжила трудиться. Она нарисовала афишу со словами: «*Единственный показ: главная рождественская премьера*», а снизу приписала имена трех актеров. Затем внесла последние штрихи в нарисованный Ниной задник (впрочем, уже трудно было что-то исправить, краска везде выходила за контуры) и повесила его в гостиной. Подготовив сцену, она обклеила пайетками старую балетную юбку – теперь это наряд принцессы, который она наденет в финале спектакля. Только около двух часов ночи Мередит наконец легла в кровать, но еще долго не могла уснуть от волнения.

День перед вечеринкой тянулся медленно, и вот в шесть часов начали собираться гости. Людей было немного, только привычный круг: мужчины и женщины, работавшие в питомнике,

члены их семей, пара-тройка соседей и папина сестра Дора – из его родни больше никого не осталось в живых.

Мередит устроилась на верхней ступеньке лестницы и стала караулить входную дверь. Притоптывая от нетерпения, она выжидала момент, чтобы объявить гостям о спектакле.

Она уже собиралась встать, как вдруг внизу раздался оглушительный лязг.

Только не это.

Мередит вскочила на ноги и сбежала с лестницы, но было уже слишком поздно.

Нина стояла на кухне и, стуча по кастрюле металлической ложкой, вопила: «Шоу начинается!» Что-что, а привлекать внимание она умела лучше, чем кто-либо.

Гости, посмеиваясь, переходили из кухни в гостиную. Рядом с громадным камином, поверх проекционного экрана из алюминия, висела простыня с нарисованным замком. Справа стояла елка, украшенная купленными гирляндами и игрушками, которые смастерили Нина и Мередит. Перед задником устроили импровизированную сцену: деревянный мостик, уложенный на паркет, и вырезанный из картона фонарь, к верхушке которого скотчем примотали карманный фонарик.

Мередит приглушила в комнате свет, включила фонарик и скрылась за задником, где уже ждали Нина и Джефф, оба в костюмах.

Задник едва скрывал их от зрителей. Если она слегка наклонялась вбок, то могла увидеть гостей, а они – ее, и все-таки между ними ощущалась граница. Когда в комнате стало тихо, Мередит глубоко вдохнула и начала кропотливо подготовленный рассказ:

– Ее зовут Вера, она бедная крестьянка, почти никто. Она живет в волшебном Снежном королевстве, но мир, который так дорог ей, гибнет. Ее страной завладели злые силы: по каменным мостовым разъезжают черные экипажи, а их зловещий властелин жаждет все уничтожить.

Мередит вышла на сцену, стараясь не наступить на подол многослойной юбки, оглядела гостей и нашла в дальнем конце комнаты маму, которая даже в толпе казалась совсем одинокой. Ее красивое лицо окутывал сигаретный дым, а взгляд в кои-то веки был устремлен на Мередит.

– Идем, сестра, – громко сказала Мередит, подходя к фонарю. – Мороз не должен пугать нас.

Из-за задника появилась Нина в старой ночной рубашке, на голове косынка. Заломив руки, она посмотрела на Мередит и закричала так пронзительно, что по залу пронесся смешок:

– Неужели это Черный князь наколдовал такой холод?

– Нет. Нам холодно оттого, что мы потеряли отца. Когда же он к нам вернется? – Мередит приложила руку тыльной стороной ко лбу и театрально вздохнула. – Экипажи теперь на каждом шагу. Черный князь становится все сильнее… люди на наших глазах превращаются в дым…

– Смотри! – Нина указала на нарисованный замок и благоговейно произнесла: – Там принц…

На маленькую сцену вступил Джефф. В джинсах, синем спортивном пиджаке и дешевой золотистой короне, венчавшей копну волос пшеничного цвета, он выглядел так прекрасно, что Мередит забыла слова. По его покрасневшим щекам она понимала, что он стесняется, и все-таки, как хороший друг, Джефф не отказался помочь. И улыбался ей так, словно она и правда была принцессой.

Он протянул ей искусственные цветы.

– Я принес тебе две розы, – сказал он, запинаясь.

Мередит дотронулась до его руки, но, прежде чем она успела произнести следующую реплику, среди зрителей раздался какой-то шум.

Повернувшись на звук, она увидела в центре комнаты маму: неподвижная, белая как мел, та гневно сверкала глазами. На ладони у нее проступила кровь. Бокал, который мама держала в руке, она сжала с такой силой, что даже со сцены Мередит разглядела: один из осколков впился ей в кожу.

– Достаточно, – резко произнесла мама. – Это неподходящая забава для вечеринки.

Гости были растеряны, и одни начали подниматься со стульев, другие продолжали сидеть. В комнате стало тихо.

Папа подошел к маме, приобнял ее и привлек к себе. Точнее, попытался: на его ласку она никак не ответила.

– Зря я читала вам эти дурацкие сказки, – сказала мама, ее русский акцент от ярости стал заметнее. – Забыла, что маленьким девочкам только и подавай всякую чушь о любви.

Мередит от унижения не могла пошевелиться.

Она смотрела, как папа отводит маму на кухню, – наверное, чтобы промыть ей руку. Гости спешно покидали их дом, словно сбегали с «Титаника», а спасательные шлюпки ждали за порогом.

Только Джефф рискнул встретиться взглядом с Мередит, и она увидела, как он смущен. Он бросился к ней, по-прежнему держа в руках розы.

– Мередит…

Однако она оттолкнула его и умчалась из комнаты. Только в конце коридора, в темном углу, Мередит наконец отдышалась, ее глаза горели от слез. Было слышно, как на кухне папа пытается успокоить рассерженную жену. Еще через минуту хлопнула входная дверь, и Мередит догадалась, что это ушел домой Джефф.

– Из-за чего она злится? – тихо спросила Нина, подходя к ней.

– Мне-то откуда знать? – отозвалась Мередит, вытирая глаза. – Какая же стерва.

– Не говори так.

Голос Нины дрогнул, и Мередит поняла, что сестра тоже едва сдерживает слезы. Она наклонилась к Нине и взяла ее за руку.

– Что теперь? Будем перед ней извиняться? – спросила Нина.

Мередит вспомнила, как в прошлый раз рассердила маму и пошла извиняться.

– Ей наплевать. Уж поверь.

– И что же нам делать?

Как бы Мередит ни хотелось снова ощутить себя взрослой, как это было утром, от ее уверенности в себе не осталось и следа. Она знала, что будет дальше: папа успокоит маму, а потом заглянет к ним в комнату, начнет смешить, обнимет своими крепкими, большими руками и заверит, что на самом деле мама их любит. И Мередит, утешенная его шутками и рассказами, отчаянно захочет в это поверить. Опять.

– Я уже решила, что сделаю, – сказала Мередит, направляясь по коридору к кухне. Мама сидела спиной к двери, и она мельком увидела ее облегающее платье из черного бархата, бледные руки и совершенно седые волосы. – Я больше никогда не буду слушать ее дурацкие сказки.

Мы не умеем прощаться, —
Все бродим плечо к плечу.
Уже начинает смеркаться,
Ты задумчив, а я молчу.

А. А. Ахматова «Мы не умеем прощаться…»

Глава 1

2000

Неужели вот так и ощущаешь себя в сорок лет? Всего за какой-то год Мередит в глазах людей превратилась из «мисс» сразу в «мэм». Прямо как по щелчку. Хуже того, ее кожа постепенно теряла эластичность. На прежде гладком лице появились крошечные морщинки, а шея стала заметно полнее. Утешало только одно: седины пока не наблюдалось. Каштановые волосы, которые она практично подстригала в каре, по-прежнему были блестящими и густыми. Но глаза все-таки выдавали – в них читалась усталость. И не только в шесть утра.

Отвернувшись от зеркала, она сняла старую футболку и натянула черные спортивные штаны, носки и черную кофту. Затем, на ходу собирая волосы в короткий конский хвост, вышла из ванной и заглянула в полутемную спальню. Муж так сладко похрапывал, что ей почти захотелось снова нырнуть в постель. В прежние дни она непременно поддалась бы соблазну.

Плотно закрыв дверь спальни, Мередит направилась по коридору к лестнице.

Двигаясь в тусклом свете старых ночников, она прошла мимо закрытых дверей, ведущих в детские спальни. Их хозяйки, впрочем, были уже далеко не детьми. Старшей, Джиллиан, исполнилось девятнадцать, она второкурсница Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе и мечтает стать врачом. Младшей, Мэдди, восемнадцать, учится в Вандербильте[2] на первом курсе. С их отъездом и дом Мередит, и вся ее жизнь неожиданно затихли и опустели. Почти двадцать лет она целиком посвящала себя материнству, надеясь дать детям то, чего сама была лишена. Ее усилия дали плоды: она смогла стать для дочерей лучшей подругой. Но когда девочки уехали, она ощутила себя потерянной, словно ненужной. Глупо, конечно, тем более что дел у нее было полно. Она скучала по дочерям, вот и все.

Мередит двигалась дальше. Теперь это был лучший способ со всем справляться.

Спустившись на первый этаж, она заскочила в гостиную и, вытащив из розетки рождественскую гирлянду, прошла в прихожую. Там к ней, виляя хвостами и гавкая, подскочили собаки.

– Люк, Лея, ну-ка, угомонитесь, – велела Мередит хаски и, почесывая обоих за ухом, повела их к выходу. Когда она открыла заднюю дверь, в прихожую ворвался холодный воздух. Ночью опять выпал снег, и хотя в середине декабря рассветало поздно, но даже в сумерках поля и дорога отливали перламутровой белизной. Мередит выдыхала облачка пара.

Когда она выпустила собак на улицу, небо окрасилось в глубокий серо-лиловый оттенок, а на часах было шесть десять.

Как всегда, вовремя.

Неспешно, чтобы привыкнуть к морозу, Мередит побежала. По будням ее маршрут был неизменным: сначала по гравийной дорожке от дома, затем вниз мимо участка родителей и еще милю вверх по старой односторонней дороге. Наконец, сделав петлю вокруг поля для гольфа, она возвращалась домой. Ровно четыре мили. Она почти никогда не изменяла этой привычке – впрочем, особого выбора у нее не было. Мередит была от природы крупной, причем во всех отношениях: высокая, широкоплечая, с массивными бедрами и основательными стопами. Даже черты ее бледного овального лица казались будто бы чересчур выразительными: большой рот, как у Джулии Робертс, огромные карие глаза, густые брови и пышные волосы. Держать себя в

[2] Университет Вандербильта – частный исследовательский университет в Нэшвилле, штат Теннесси.

форме ей помогали регулярные занятия спортом, строгая диета, хорошие средства для волос и добротный пинцет.

Когда она свернула на дорогу, над горами появилось солнце, окрасившее снежные хребты в сиреневые и розовые тона.

По обе стороны дороги, словно коричневые стежки на белой ткани, выглядывали из снега тысячи тоненьких голых яблонь. Семья Мередит уже пятьдесят лет владела этим плодородным участком земли, в центре которого горделиво высился дом, где она выросла. «*Белые ночи*». Даже в сумраке дом выбивался из окружения, казался слишком уж вычурным.

Взбегая вверх по холму, Мередит ускоряла темп, пока у нее не перехватило дыхание и не закололо в боку.

Наконец, добежав до своего крыльца, она остановилась; долину уже заливал сияющий золотой свет. Мередит покормила собак и поспешила наверх. В дверях ванной она натолкнулась на Джеффа. Его светлые волосы, подернутые сединой, были мокрыми, вокруг бедер обернуто полотенце. Муж развернулся боком, давая ей пройти, и она поступила так же. Оба не произнесли ни слова.

В семь двадцать она уже сушила волосы феном, а к семи тридцати, с точностью до минуты, облачилась в черные джинсы и приталенную зеленую блузку. Осталось слегка подвести глаза, добавить румяна и тушь, пройтись по губам помадой – и можно идти.

Спустившись, она застала Джеффа на обычном месте за кухонным столом. Он читал «Нью-Йорк таймс», у его ног дремали собаки.

Она потянулась к кофейнику и налила себе чашку кофе.

– Тебе долить?

– Не нужно, – сказал он, не отрывая глаз от газеты.

Мередит добавила в кофе соевого молока, наблюдая, как меняется цвет напитка. Она понимала, что они с Джеффом уже давно общаются отстраненно, словно чужие – или приевшиеся друг другу супруги, – и обсуждают только детей и работу. Она попыталась вспомнить, когда они в последний раз занимались любовью, и не смогла.

Может, это в порядке вещей. Наверняка. После стольких лет в браке вряд ли можно непрерывно поддерживать страсть. И все же она часто с грустью вспоминала те времена, когда их обоих переполняло желание. Ей было четырнадцать, когда они впервые пошли на свидание («Молодого Франкенштейна»[3], которого они тогда смотрели в кино, оба обожали и сейчас), и с тех пор, по правде сказать, ее не интересовали другие парни. Сейчас было странно об этом думать, ведь она никогда не считала себя романтичной натурой, хотя в Джеффа влюбилась едва ли не моментально. Он был частью ее жизни столько, сколько она себя помнила.

Они поженились рано, даже чересчур, и она последовала за ним в колледж в Сиэтле, где оба работали ночами и по выходным в прокуренных барах, пытаясь наскрести на учебу. Там, в их тесной квартирке в студенческом городке, она была счастлива. Когда они учились на последнем курсе, она забеременела. Поначалу это привело ее в ужас. Она боялась, что будет такой же, как ее мать, и с детьми у нее ничего не получится. Но вышло все, к ее огромному облегчению, ровно наоборот. Возможно, роль в этом сыграла ее юность: мать Мередит уже была немолода, когда родила дочерей.

Джефф вдруг качнул головой. Мимолетное, едва заметное движение, но от нее оно все же не укрылось. Она всегда чутко улавливала его настроение, и в последнее время накопившиеся взаимные обиды словно звенели в воздухе, пусть слышала этот звон лишь она.

– Что такое? – спросила Мередит.

– Ничего.

---

[3] «Молодой Франкенштейн» (1974) – комедийный фильм Мела Брукса о внуке Виктора Франкенштейна (персонажа романа Мэри Шелли), пародия на черно-белые фильмы ужасов.

– Ты же не просто так покачал головой. В чем дело?

– Я только что задал тебе вопрос.

– Я не расслышала. Задай еще раз, пожалуйста.

– Уже неважно.

– Ладно. – Прихватив кофе, Мередит направилась в столовую.

Такие сцены случались у них уже сотни раз, но почему-то только теперь, проходя под этой старомодной люстрой, украшенной дурацкой омелой из пластика, она вдруг взглянула на все по-новому.

Посмотрев на себя будто со стороны, Мередит увидела сорокалетнюю женщину, которая, стоя с чашкой кофе в руке, таращится на мужа и на пустые места за столом, – и на долю секунды ей захотелось представить, какую еще судьбу могла избрать для себя эта женщина. Что, если бы она не возвратилась в родной город управлять питомником и растить детей? Что, если бы она не вышла замуж так рано? Кем бы она стала тогда?

Но тут все лопнуло, словно мыльный пузырь, и она вернулась в реальность.

– Ты придешь домой к ужину?

– А когда-то не приходил?

– Значит, в семь, – сказала она.

– Ну конечно, – сказал он, листая газету. – Все должно быть по часам.

В восемь часов Мередит была у себя в кабинете. Как обычно, она пришла первой и пробежалась по всем секциям второго этажа склада, по пути включая везде свет. Проходя мимо отцовского кабинета, сейчас пустого, на мгновение задержалась и поглядела на прибитые к двери памятные таблички. Папа тринадцать раз становился «Фермером года» и по-прежнему был большим авторитетом в индустрии – неважно, что теперь он приходил в офис только от случая к случаю и последние десять лет, можно сказать, находился на пенсии. Он все еще оставался лицом яблоневого питомника «Белые ночи» – человеком, который одним из первых обратил внимание на «голден делишес» в шестидесятых годах и «гренни смит» в семидесятых, а в девяностые продвигал сорта «фуджи» и «бребурн». Ему принадлежал и проект холодильных хранилищ, который произвел в отрасли настоящий переворот, позволив экспортировать лучшие яблоки на мировые рынки.

Конечно, сама она тоже сыграла немалую роль в развитии семейного дела. Именно по ее инициативе расширили площади холодильных хранилищ, и теперь сдача складов в аренду приносила немалый доход. Вместо старого фруктового павильона она открыла у дороги сувенирную лавку, где продавались сотни товаров: изделия окрестных ремесленников, местные деликатесы и безделушки на память о «Белых ночах». Как раз в это время года, в преддверии праздников, в Ливенворт целыми поездами съезжались туристы, чтобы посмотреть, как зажигают рождественские огни, и частенько кто-нибудь из них заглядывал и к ней в лавку.

Прежде чем приступить к работе, Мередит позвонила младшей дочке. В Теннесси было около десяти.

– Эмм… Алло? – отозвалась Мэдди.

– Доброе утро, – бодро сказала Мередит. – Кажется, кто-то проспал.

– Ой, мам, это ты. Привет. Я вчера поздно легла. Занималась.

– Мэдисон Элизабет!

Эти слова произвели желанный эффект. Мэдди вздохнула:

– Ладно-ладно. Я ходила на вечеринку в кампусе.

– Милая, я понимаю, как это все весело и как тебе хочется сполна насладиться колледжем, но у тебя уже на следующей неделе первый экзамен. Вроде бы утром во вторник, да?

– Да.

– Нужно уметь сочетать учебу с весельем. Так что вытаскивай свою распрекрасную задницу из кровати и марш на занятия. Очень полезный навык: вставать вовремя после бурной гулянки.

– Никто не умрет, если я пропущу одну пару испанского.

– Мэдисон.

– Все-все, встаю, – засмеялась Мэдди. – «Испанский для начинающих», жди меня. *Hasta la vista, baby*.

Мередит улыбнулась.

– Я позвоню в четверг, расскажешь, как прошло. И позвони сестре. Она вся на взводе из-за теста по органической химии.

– Ладно, мам. Люблю тебя.

– И я тебя, принцесса.

Мередит повесила трубку; настроение заметно улучшилось. На три часа она полностью погрузилась в работу. Она перечитывала последний отчет по урожаю, как вдруг зазвонил внутренний телефон.

– Мередит? Тут твой отец на первой линии.

– Спасибо, Дэйзи, – сказала она и переключила линию. – Привет, пап.

– Мы с мамой хотели позвать тебя к нам на обед.

– У меня куча дел, пап…

– Пожалуйста?

Мередит никогда не умела отказывать папе.

– Хорошо, договорились. Но к часу мне нужно в офис.

– Чудесно, – сказал он, и по голосу было понятно, что он улыбается.

Повесив трубку, Мередит вернулась к работе. В последнее время ей то и дело приходилось разгребать один завал за другим: производство набирало обороты, спрос падал, а цены на экспорт и перевозку взлетели до небес. Сегодняшний день оказался не менее нервным. К полудню в затылке поселилась смутная, тянущая боль. И все же, покинув кабинет, Мередит улыбалась каждому работнику, которого встречала по пути через склад на улицу.

Меньше чем через десять минут она уже парковалась перед родительским гаражом.

Дом их словно явился из какой-нибудь русской сказки: двухэтажная веранда напоминала башенку, фасад украшала изящная резьба, а по случаю Рождества на карнизах и балюстрадах горели огни. Медная кровля в серый зимний день казалась блеклой, но в солнечном свете сияла, будто жидкое золото. Этот дом, стоявший на пригорке над долиной и окруженный высокими могучими тополями, был известен на всю округу, и туристы, проходя мимо, не упускали случая сделать снимок.

Построить что-то столь до нелепости чужеродное могла, разумеется, только мать. Западный Вашингтон – и вдруг русская дача. Абсурдным было даже название их питомника. Русская сентиментальность: «Белые ночи».

Да уж, белые ночи. Здесь-то ночи были чернее, чем свежий асфальт.

Мать, впрочем, мало занимал окружающий мир. Главное, что она получила свое. Муж преподносил Ане Уитсон все, что она только ни пожелает, – а желала она, судя по всему, стать хозяйкой сказочного замка и яблоневого сада – усадьбы с русским названием.

Мередит вошла. В кухне никого не было, но на плите кипел суп в большой кастрюле.

Она заглянула в гостиную. Свет лился через окна располагавшейся в северной части двухэтажной веранды – той самой башенки, которой славились «Белые ночи». Паркет был до блеска начищен пчелиным воском; мать упорно продолжала им пользоваться, несмотря на то что по полу можно было кататься в носках, как на ледовом катке. У центральной стены стоял огромный каменный камин, который окружали антикварные диваны и кресла с роскошной обивкой. На картине, что висела над камином, масляными красками была изображена летя-

щая сквозь снег тройка – романтичного вида упряжка лошадей одной масти. Почти что «Доктор Живаго». Слева от камина множество картин с русскими церквями, а прямо под ними мать обустроила то, что называлось «красным углом», – столик, на котором было выставлено несколько старинных икон и лампадка, горевшая круглый год.

Мередит нашла отца в его любимом уголке на другом конце комнаты, возле богато украшенной елки. Он читал книгу, раскинувшись на кушетке среди бордовых пухлых подушек. Редкие волосы, которые еще сохранились у него к восьмидесяти пяти годам, торчали белыми клочьями на розоватой коже головы. За долгие годы под солнцем лицо сплошь покрылось пигментными пятнами и морщинами, и даже когда отец улыбался, то напоминал бассет-хаунда, но его грустный облик никого не вводил в заблуждение. Все обожали Эвана Уитсона. Нельзя было не обожать.

Увидев дочь, он просиял, потянулся к ней, крепко стиснул ее руку, а затем отпустил.

– Мама тебе очень обрадуется.

Мередит улыбнулась. Эту игру они вели уже много лет. Папа притворялся, что мать любит Мередит, а Мередит притворялась, что этому верит.

– Здорово. Она наверху?

– С утра не выходит из сада.

Мередит даже не удивилась.

– Схожу за ней.

Оставив отца в гостиной, она прошла через кухню в столовую. Сквозь застекленные двери открывался вид на бескрайнее снежное поле и многие акры замерших в спячке яблонь. Ближе к дому, под заледеневшими ветками пятидесятилетней магнолии, был разбит прямоугольный садик, окруженный кованой оградой под старину. Узорчатая калитка увита бурыми лозами, но с приходом лета ее почти скроют белые цветы и зеленые листья. А пока на металле калитки поблескивал иней.

Там-то она и нашла свою мать, женщину восьмидесяти с чем-то лет: закутавшись в плед, она сидела на черной скамье посреди участка, который почему-то звала зимним садом. Начался небольшой снегопад, под завесой снежинок мир превратился в импрессионистский пейзаж, в котором все предметы казались бесплотными. Кусты, подстриженные в виде различных фигур, и птичья кормушка, скрытые под пеленой снега, придавали саду загадочный, неземной вид. Мать, по обыкновению, неподвижно сидела в самом центре этой картины, опустив руки на колени.

Когда Мередит была маленькой, склонность матери к уединению часто пугала ее, но по мере взросления стала вызывать сначала растерянность, а потом раздражение. Пожилой женщине ни к чему сидеть одной на морозе. Обычно мать винила во всем свой дефект зрения, но Мередит это не убеждало. Да, мать не различает никаких цветов, кроме оттенков серого, но даже в детстве Мередит не считала, что это повод вечно таращиться в пустоту.

Она открыла дверь и вышла на холод. Ноги утопали в сугробах, под ботинками похрустывала снежная корка, и пару раз Мередит едва не поскользнулась на льду.

– Не сидела бы ты на холоде, мам, – сказала она, подходя. – Еще подхватишь воспаление легких.

– Ничего я не подхвачу. Это и холодом назвать трудно.

Мередит закатила глаза. Мать постоянно выдавала подобную чушь.

– Я заехала только на час, так что пойдем скорее есть. – В тишине снегопада ее голос прозвучал слишком резко, и она поморщилась, подумав, что стоило бы смягчить интонацию. И как матери удавалось вечно пробуждать в ней все самое плохое? – Ты же в курсе, что отец пригласил меня на обед?

– Конечно, – ответила мать, но Мередит по голосу поняла, что она врет.

Мать плавно поднялась со скамейки, точно древняя богиня, перед которой должно благоговеть. Ее лицо было поразительно гладким, почти лишенным морщин, а безупречная кожа словно подсвечивалась изнутри. От таких скул, как у нее, не отказались бы многие женщины. Но примечательнее всего были глаза: глубоко посаженные, обрамленные густыми ресницами и поразительно голубые, с золотистыми проблесками. Мередит знала, что всякий, кто видел эти глаза, уже не мог забыть их. И как иронично, что, обладая таким необычайным оттенком, эти глаза были неспособны различать цвета.

Мередит взяла мать под руку и повела к дому. Только тут она заметила, что та вышла без перчаток и пальцы посинели от холода.

– Господи. У тебя руки совсем синие. Нужно надевать перчатки, когда такой холод…

– Ты ничего не знаешь про холод.

– Как скажешь, мам. – Мередит настойчиво потянула ее по ступенькам и завела в теплый дом. – Может, примешь ванну, чтобы согреться?

– Спасибо, но согреваться мне незачем. Еще только четырнадцатое декабря.

– Ладно, – сказала Мередит, наблюдая, как мать, дрожа от холода, подходит к плите и начинает помешивать суп. Серый шерстяной плед, порядком истрепанный, соскользнул с ее плеч и остался лежать на полу.

Мередит стала накрывать стол, и на пару чудесных мгновений кухня наполнилась будничными звуками – хоть какое-то подобие общности.

– Мои милые, – сказал папа, входя на кухню. Он выглядел бледным и хрупким, его плечи, прежде широкие, совсем иссохли из-за потери веса. Подойдя к столу, он положил ладони на плечи жене и дочери, слегка подтолкнув их друг к другу. – Люблю, когда мы обедаем вместе.

Мать натянуто улыбнулась и отрывисто, с акцентом, сказала:

– Я тоже.

– И я, – отозвалась Мередит.

– Ну и славно, – кивнул папа и уселся за стол.

Мать поставила на стол поднос, на котором лежали теплые, слегка смазанные маслом ломтики кукурузного хлеба с сыром фета, положила по кусочку каждому на тарелку, а затем налила всем порцию супа.

– Я заглянул сегодня в питомник, – сказал папа.

Мередит кивнула и заняла стул рядом с ним.

– Видел, наверное, что там в дальней части сектора «А»?

– Ага. Тяжело нам приходится с этим склоном.

– Эд и Аманда уже решают вопрос. Не волнуйся насчет урожая.

– Даже не собирался. Вообще-то у меня другая идея.

Она попробовала суп, наваристый и невероятно вкусный: душистый бульон шафранового цвета, домашние фрикадельки из баранины и нежная яичная лапша. Не сдерживай Мередит себя, точно умяла бы целую кастрюлю, и тогда вечером не избежать еще одной пробежки длиной в милю.

– Что за идея?

– Мне кажется, нужно вместо яблонь посадить там виноград.

Мередит медленно отложила ложку:

– Виноград?

– «Голден делишес» перестали быть нашими лучшими яблоками. – Предвидя ее возражения, отец поднял ладонь: – Знаю, знаю. Мы построили на «голден делишес» весь бизнес, но времена изменились. Серьезно, Мередит, скоро две тысячи первый год, будущее за виноделами. Мы как минимум сможем производить «ледяное вино» и вино позднего сбора.

– В нынешней обстановке? На рынках Азии по-прежнему падает спрос, и перевозить туда фрукты приходится за огромные деньги. Конкуренция только растет. Боже, пап, наша

прибыль в прошлом году упала на двенадцать процентов, и не похоже, чтобы в этом году что-то изменилось. Мы едва покрываем издержки.

– Тебе стоит послушать отца, – сказала мать.

– Ой, мам, даже не говори ничего. Ты не была на складе ни разу с тех пор, как мы обновили систему охлаждения. И вообще, когда ты в последний раз читала наши годовые отчеты?

– Хватит, – вздохнул папа. – Я не хотел затевать ссору.

Мередит встала:

– Мне пора на работу.

Она отнесла тарелку в раковину и помыла ее. Перелив остатки супа в пластиковый контейнер, который затем втиснула в переполненный холодильник, вымыла и кастрюлю тоже. В тихой кухне кастрюля громко лязгнула о сушилку.

– Было очень вкусно. Спасибо, мам.

Мередит торопливо попрощалась и выскользнула из кухни. Надев в прихожей пальто, вышла на крыльцо и вдохнула студеный воздух. Сзади подошел отец.

– Ты же знаешь, как она переносит декабрь и январь. Зима для нее тяжелое время.

– Знаю.

Он привлек ее к себе и крепко обнял.

– Вам обеим надо прилагать больше усилий.

Мередит больно укололи его слова. Он твердил это всю ее жизнь, но ей хотя бы раз хотелось услышать, что прилагать больше усилий вообще-то следует матери.

– Буду стараться, – сказала она, подыгрывая, как и всегда, этому маленькому спектаклю. И она правда будет стараться. Она никогда не переставала, хотя и знала, что им с матерью все равно не удастся сблизиться. Слишком много воды уже утекло. – Люблю тебя, пап, – сказала она и чмокнула его в щеку.

– И я тебя, Бусинка. – Отец ухмыльнулся: – И подумай о винограде. Может, я еще успею перед смертью побыть виноделом.

Мередит терпеть не могла подобные шутки.

– Очень смешно.

Оставив отца, она залезла в свой внедорожник, завела двигатель и, включив задний ход, развернула машину. Сквозь кружевной узор на стекле она увидела в окне гостиной силуэты родителей. Отец обнял и поцеловал мать, и они закружились в неловком танце – наверное, даже без музыки. Папе, впрочем, музыка и не требовалась – он часто говорил, что в его сердце всегда звучат песни о любви.

Мередит ехала на работу, но эта трогательная картина еще долго стояла у нее перед глазами. Сосредоточившись на текущих делах, Мередит до конца рабочего дня ломала голову, как увеличить прибыль, и сидела на нескончаемых совещаниях по управлению и стратегии, и все это время снова и снова вспоминала родителей, которые казались такими влюбленными.

Сказать по правде, она никогда не могла понять, как можно страстно обожать мужа и при этом ненавидеть своих детей. Впрочем, не совсем так. Мать не ненавидела Нину и Мередит. Они были ей безразличны.

– Мередит?

Она резко подняла взгляд. На пару мгновений она так глубоко погрузилась в мысли, что даже забыла, где находится. Это ее кабинет. А перед ней – отчет о вредителях.

– Ой, это ты, Дэйзи. Извини. Я не услышала, как ты стучишься.

– Я ухожу домой.

– Разве уже так поздно? – Мередит взглянула на часы: шесть тридцать семь. – Черт. Вот зараза. Я опаздываю.

Дэйзи рассмеялась.

– Вечно ты сидишь допоздна.

Мередит стала аккуратно складывать бумаги в стопочки.

– Только не гони, – сказала она, и обе улыбнулись. – И не забудь, что завтра в девять к нам на встречу приедет Джош из Яблочной комиссии. Кофе и пончики обязательны.

– Поняла. Хорошего вечера.

Мередит привела стол в порядок и направилась к выходу.

На улице уже бушевала настоящая метель, дорога была едва различима. Хотя стеклоочистители работали на полную мощность, толку от этого было мало, фары машин, мчавшихся навстречу, мгновенно слепили. Даже зная путь как свои пять пальцев, Мередит решила снизить скорость и держаться ближе к обочине. Она с улыбкой вспомнила, как в первый и единственный раз попыталась научить Мэдди ездить за рулем в снегопад. *Мам, это просто метель, даже не гололед. Необязательно ехать так медленно. Я бы пешком добралась быстрее.*

В этом вся Мэдди. Вечно куда-то спешит.

Дома Мередит, едва захлопнув за собой дверь, поспешила на кухню. Взглянула на часы и поняла, что опоздала. Опять.

Она бросила сумку на столешницу.

– Джефф?

– Я тут.

Голос донесся из гостиной. Муж стоял возле мини-бара, купленного в конце восьмидесятых, и наливал себе выпить.

– Прости, что опоздала. Метель…

– Ага. – Он знал не хуже нее, что она просто засиделась на работе. – Тебе чего-нибудь налить?

– Да. Белого вина.

Глядя на него, Мередит не понимала, что чувствует. Джефф был по-прежнему красив: русые волосы, едва тронутые сединой у висков, квадратный волевой подбородок и глаза цвета стали, в которых словно всегда пряталась улыбка. Несмотря на волчий аппетит и пренебрежение физической активностью, Джефф оставался почти таким же поджарым, как в молодости. Он был одет в привычные линялые «ливайсы» и старую футболку с «Перл Джем».

Он протянул ей бокал.

– Как прошел день?

– Папа хочет выращивать виноград. А мама опять сидела в зимнем саду. Скоро точно подхватит воспаление легких.

– Твоя мать даст фору любому айсбергу.

Мередит вдруг подумала, как много лет они провели вместе, как сильно эти годы связали их. Он составил мнение о ее матери больше двадцати лет назад, и с тех пор мама не давала повода его изменить.

– Это уж точно.

Она прислонилась к стене. Прошедший день, такой беспокойный, бешеный, суматошный, – как, впрочем, и все дни этой недели, а то и месяца – вдруг накрыл ее тяжелой волной усталости, и она опустила веки.

– Я дописал сегодня главу. Небольшую, всего-то семь страниц, но, по-моему, вышло неплохо. Я тебе ее распечатал. Мередит? Мер?

Она открыла глаза и поймала на себе взгляд мужа. Заметив между его бровей морщинку, спросила себя, сказал ли он что-нибудь важное, попыталась вспомнить, но не смогла.

– Прости. Тяжелый день.

– У тебя каждый день тяжелый.

Мередит не поняла, осуждает он или констатирует факт.

– Ты же знаешь, как бывает зимой.

– И весной тоже. И летом.

Значит, все-таки осуждает. Всего год назад она бы спросила, почему они так отдалились; рассказала бы, как устала вязнуть в рутине и как сильно скучает по девочкам. Но теперь такой откровенный разговор казался невозможным. Пропасть между ними становилась все шире и шире, будто пятно разлитых чернил, и Мередит даже не помнила, почему и когда это началось.

– Да уж, ты прав.

– Я на работу, – вдруг сказал он, снимая со стула пиджак.

– Сейчас?

– А почему нет?

Она задумалась, стоит ли отвечать. Ждет ли Джефф, что Мередит остановит его, уговорит остаться, – или правда решил уехать? Непонятно, да и гадать, в общем-то, не хотелось. Она совсем не прочь набрать горячую ванну, выпить вина и не придумывать темы для разговора за ужином. Еще лучше то, что не придется готовить еду.

– Действительно, почему нет.

– Ага, – сказал он, поцеловав ее в щеку. – Я отчего-то так и подумал.

Глава 2

К месту убийства пришлось две недели пробираться сквозь джунгли. Его помогли найти насекомые – и запах мертвечины.

Нина стояла рядом с проводником. В одну секунду на нее обрушился весь ужас увиденного: жужжание мух над поляной, белые пятна опарышей на окровавленной туше и безмолвие африканских джунглей, означавшее, что поблизости притаились хищники и падальщики.

Но затем ей удалось отстраниться от этой картины, взглянуть на нее как фотограф. Достав экспонометр, она быстро измерила освещенность, выбрала одну из трех камер, висевших на шее, и навела резкость на изуродованный, окровавленный труп горной гориллы.

Щелк.

Двигаясь по кругу, Нина снова и снова наводила резкость и нажимала на кнопку спуска. Меняла камеры, подстраивала объективы, проверяла свет. Адреналин зашкаливал. Лишь в такие минуты она по-настоящему ощущала себя живой – когда делала снимки. Способность *видеть* была ее даром – наряду с умением отгородиться от происходящего. Одно не существует без другого, выдающийся фотограф сначала фиксирует увиденное и только потом дает волю чувствам.

Быстро нанеся на кожу под ноздрями мазь с эвкалиптом, она присела на корточки, чтобы крупным планом сфотографировать шею обезглавленной гориллы. Неподалеку кого-то рвало – видимо, не выдержал сопровождавший ее молодой журналист. Ей было не до него.

Щелк. Щелк.

Браконьеры забрали только голову и конечности – те части, которые дорого ценятся. Теперь какой-нибудь богатый говнюк сможет поставить гориллью лапу на стол вместо пепельницы.

Щелк. Щелк.

Целый час Нина подбирала ракурсы, меняла, когда считала нужным, камеры и объективы, убирала отснятые пленки в контейнеры, которые, подписав, рассовывала по карманам жилета. Наконец с наступлением сумерек они отправились в долгий обратный путь по влажным и душным джунглям. Со всех сторон доносились звуки: стрекот насекомых, птичьи рулады, крики обезьян; небо приобрело кровавый цвет. Сквозь листву деревьев, словно играя в прятки, пробивались солнечные лучи мандаринового оттенка. По пути к месту убийства они разговаривали, но на обратной дороге погрузились в мрачное молчание. Сразу после съемки Нине обычно приходилось тяжелее всего. Выкинуть из головы увиденное не всегда просто – образы возвращались в кошмарах, пробуждая даже от самого крепкого сна. Часто, хотя признаваться себе в этом ей не хотелось, она просыпалась в слезах.

Спустившись к подножию горы, их группа оказалась у небольшой заставы, которая в этой отдаленной части Руанды считалась городом. Оттуда они несколько часов тряслись на джипе до природоохранного центра, где Нина сделала еще несколько снимков, а ее спутники расспросили сотрудников о браконьерах.

Нина стояла возле входа и очищала объектив, когда услышала свое имя.

– Миссис Нина?

Опустив камеру, она подняла глаза и увидела старшего проводника. Она улыбнулась – настолько широко, насколько позволяла усталость.

– Здравствуйте, мистер Димонсу.

– Простите, что беспокоить в трудный день, – сказал он на ломаном английском, – но мы забыть передать вам важное сообщение. Миссис Сильвия ждать, когда вы звонить.

– Спасибо.

Нина вытащила из сумки громоздкий спутниковый телефон и отнесла все оборудование на поляну в центре лагеря. По компасу определила, в какой стороне спутник, развернула тарелку и, установив ее на землю, направила антенну на шестьдесят градусов к северо-востоку, затем подсоединила телефон и включила его. Экран, оживая, моргнул оранжевым и высветил мощность сигнала. Дождавшись, когда она станет достаточной, Нина позвонила редактору.

– Привет, Сильвия. Я сегодня фотографировала жертву браконьеров. Подонки. Дней через десять отправлю снимки.

– Даю тебе шесть. Мы собирались поместить их на обложке.

Обложка. Ее любимое слово. Некоторых женщин сводят с ума бриллианты, Нина же предпочитала обложку журнала «Тайм». Впрочем, против «Нэйшнл Джиографик» она тоже ничего не имела. На самом деле она надеялась однажды заполучить, помимо обложки, еще и около восьми разворотов со своей фотосерией «Воительницы со всего мира». Любимый проект Нины. Завершив его, – когда бы, черт возьми, ни наступил этот день – она сможет уйти в свободное плавание.

– Шесть – значит, шесть. Потом я еду к Дэнни в Намибию.

– Завидую. Хоть у кого-то будет секс. Но к следующей пятнице возвращайся к работе. В Сьерра-Леоне снова обострилась ситуация. Переговоры о мире вот-вот провалятся. Нужно, чтобы ты была там до Рождества.

– Ты же меня знаешь, – сказала Нина. – Готова в любой момент.

– Обещаю тебе не звонить – только если начнется война. Присылай снимки, а потом езжай заниматься любовью, пока я пытаюсь вспомнить, как это бывает.

Спустя несколько дней Нина ехала в арендованном «лендровере», Дэнни за рулем.

Всего семь утра, но декабрьское солнце уже припекало. К часу дня температура поднимется до сорока шести градусов или даже выше. Колеса буксовали на дороге – если так можно назвать глубокую реку красновато-серого песка, – так что машину мотало из стороны в сторону. Нина сидела напряженно выпрямившись, вцепившись в ручку двери, и наклонялась с каждым поворотом, чтобы сохранить равновесие.

Другой рукой она придерживала на груди камеру, чтобы ремешок не впивался в шею. Камеру вместе с объективом она обернула футболкой; не самый профессиональный способ защиты от пыли, но за годы, проведенные в Африке, Нина не нашла лучшего компромисса между безопасностью и удобством. Порой нужно успеть за пару секунд достать камеру и сделать снимок – некогда возиться с ремешками и чехлами.

Она оглядела раскаленный пустынный пейзаж. По мере того как каждый час пути уводил их все дальше от всякой цивилизации и глубже в одну из последних сохранившихся областей по-настоящему дикой южноафриканской природы, Нина стала чаще замечать у пересохших рек стада голодных животных. Измученные летним зноем, они припадали к земле и погибали, так и не дождавшись дождя. Всюду лежали выбеленные солнцем кости.

– Ты уверена, что хочешь отыскать химба? – с улыбкой спросил Дэнни, когда машину в очередной раз занесло и они едва не застряли в песке. Из-за пятен грязи на лице его зубы казались еще белее, а голубые глаза поражали яркостью. На длинных черных волосах и рубашке осела пыль. – Мы сто лет не проводили неделю вместе.

Когда так называемая дорога опять стала сносной, Нина достала камеру и посмотрела на Дэнни через видоискатель. Наведя резкость и уменьшив масштаб, она разглядывала его беспристрастно, как незнакомца: красивый тридцатидевятилетний ирландец с острыми скулами и пару раз сломанным носом. *Дрался в пабах, когда был пацаном,* объяснял Дэнни. Он внимательно следил за дорогой, и Нина отметила сосредоточенно сжатые губы. Переживает, что ему неправильно подсказали, куда надо ехать, но ни за что в этом не признается. Военный

корреспондент, он привык находиться, по его выражению, «в полном дерьме», а за сюжетом мог отправиться чуть ли не в ад – даже когда материал готовил не он.

Нина нажала на кнопку спуска.

Дэнни улыбнулся ей:

– Когда тебе в следующий раз захочется поснимать каких-нибудь красоток, выбери лучше официанток в баре у бассейна.

Она рассмеялась и, опустив камеру на колени, закрыла объектив крышкой.

– За мной должок.

– Еще бы. Будь уверена, милая, я про него не забуду.

Нина откинулась на спинку неудобного, изодранного сиденья; она старалась не закрывать глаза, но была совершенно измотана. Ей пришлось две недели выслеживать браконьеров в джунглях, а до этого в Анголе почти месяц наблюдать, как люди убивают друг друга.

Она смертельно устала и все-таки была счастлива. Для нее не существовало ни места, ни занятия лучше. От погони за идеальным кадром – адреналинового аттракциона – она никогда не откажется, чего бы это ни стоило. Она осознала это еще шестнадцать лет назад, когда в двадцать один, вооружившись дипломом журналиста и подержанной камерой, отправилась навстречу судьбе.

Поначалу она бралась за любую работу, связанную с фотосъемками, но в 1985 году в ее карьере случился прорыв. Придя на «Лайв Эйд» – благотворительный концерт для помощи голодающим, – она познакомилась с Сильвией Портер, незадолго до этого ставшей редактором «Тайм», и та открыла Нине другую вселенную. Не успела она опомниться, как уже летела в Эфиопию, где увидела то, что перевернуло ее жизнь.

Ее работы почти сразу перестали быть просто картинками и доросли до уровня настоящих историй. В 1989 году, когда на Таиланд обрушился тайфун «Гей», оставив более ста тысяч человек без крыши над головой, именно ее фотография появилась на обложке «Тайм»: на снимке женщина, по грудь в грязной воде, несет над головой плачущего ребенка. Еще через два года Нина получила Пулитцера за фоторепортаж о голоде в Судане.

Разумеется, карьерный взлет не дался ей легко.

Подобно местному племени химба, она стала кочевницей. Пришлось оставить в прошлом всю роскошь цивилизации: мягкие матрасы, чистые простыни и воду из крана.

– Смотри. Вон там, – сказал Дэнни.

Сперва она увидела только оранжево-красное небо через завесу пыли. Казалось, весь мир подпален, воздух пах гарью. Постепенно на фоне песчаного гребня проступили фигуры тощих людей, которые свысока смотрели на грязный «лендровер» и на них с Дэнни, еще более грязных.

– Это они? – спросил он.

– Похоже на то.

Кивнув, он доехал до гребня и, остановив машину на изгибе пересохшего русла реки, вышел наружу.

Химба, не приближаясь, наблюдали.

Дэнни медленно двинулся к ним, ожидая появления вождя. Нина последовала за ним.

У хижины вождя они остановились. От священного огня в успевшее окраситься сиреневым небо поднимались клубы дыма. Они поклонились, убедившись, что не прошли дальше огня: это сочли бы оскорблением.

Вождь приблизился к ним, и на ломаном суахили они договорились, что сделают пару снимков в обмен на деньги и воду. Нина привезла пятнадцать галлонов. Для людей, которым ради пары глотков приходилось идти несколько миль, это был бесценный подарок, и племя приняло Дэнни с Ниной как друзей. Из хижин выбежали дети и, смеясь, принялись скакать вокруг Нины. Химба проводили ее и Дэнни в центр деревни, где накормили традиционной

едой – кислым молоком и кукурузной кашей. Вечером, в голубом свете луны, их отвели на ночлег в круглую глиняную хижину, где они улеглись на подстилку, сотканную из травы и листьев. Пахло жареной кукурузой и пересохшей землей.

Нина повернулась на бок и посмотрела на Дэнни. В голубоватом полумраке его лицо казалось совсем молодым, возраст, как и у нее, выдавали глаза. Таковы издержки профессии: оба насмотрелись ужасных зрелищ. Но именно поэтому они и были так близки. Их объединяла жажда увидеть и узнать все на свете, даже самое страшное.

Впервые они встретились в Конго, во время Первой войны, когда в разгар чудовищной бойни укрылись в одной заброшенной хижине: она – перезарядить пленку в камере, а он – перевязать рану на плече.

Выглядит жутко, сказала она. *Я помогу?*

Он посмотрел на нее. *Похоже, не зря я молился. Господь послал ко мне ангела.*

С тех пор они исколесили вместе полмира: Судан, Зимбабве, Афганистан, Конго, Руанда, Непал, Босния. Оба работали в основном в Африке, но где бы ни происходили важные события, Нина и Дэнни почти наверняка оказывались там. Хотя у обоих были квартиры в Лондоне, там только скапливались сообщения в автоответчике, почта и пыль. Часто их тянуло в разные стороны: его влекли гражданские войны, а ее – гуманитарные катастрофы. Тогда они могли не видеться несколько месяцев, но Нина считала, что это скорее плюс. Секс после разлуки был только лучше.

– Мне через месяц сорок, – тихо сказал он.

Она обожала его ирландский акцент. Даже самые простые слова звучали дерзко и чувственно.

– Не бойся, двадцатипятилетние девушки не перестанут на тебя вешаться. По тебе сразу видно, что ты когда-то играл в рок-группе.

– Панк-группе, милая.

Она прильнула к нему, поцеловала в шею, ее ладонь скользнула по его голой груди. Тело Дэнни мгновенно отозвалось, и всего через пару секунд они занялись тем, что у них получалось куда лучше, чем разговоры.

Потом, когда они лежали обнявшись, он спросил:

– Почему мы можем обсуждать что угодно, но не наши отношения?

– А мы пытались?

– Я сказал, что мне почти сорок.

– Это было приглашением к диалогу? А мне тридцать семь.

– Что, если я скучаю, когда тебя нет рядом?

– Дэнни, ты знаешь, что я за человек. Я говорила еще в самом начале.

– Да уже больше четырех лет прошло, черт возьми. Видимо, в этом мире меняется все, кроме тебя.

– Именно. – Она перевернулась на другой бок и прижалась к нему спиной. В его объятиях Нина всегда чувствовала себя защищенной, даже когда повсюду гремели выстрелы и целую ночь не смолкали крики. Сегодня, правда, снаружи только трещал огонь да жужжали и стрекотали в темноте насекомые.

Она чуть отодвинулась от него, но Дэнни обнял ее крепче.

– Я ничего не требую, – шепнул он ей на ухо.

Требуешь, подумала она, закрывая глаза. Где-то внутри ощущалась незнакомая прежде тревога. *Просто сам еще это не понял.*

Поднявшись на хребет, который высился над временно устроенной деревней, Нина присела на корточки у осыпающегося берега пересохшей реки. Она старалась не шевелиться, и

бедра горели от напряжения. К шести утра небо окрасилось в невероятную смесь оранжевого и голубого, а солнце уже набирало силу.

Внизу через деревню шла одна из женщин химба. Она держала на голове тяжелый горшок, в перевязи из яркой ткани на ее груди висел ребенок. Нина подняла камеру и подкрутила телеобъектив, приближая кадр. Как у всех представительниц этого кочевого племени, грудь молодой женщины была обнажена, а бедра прикрывала ворсистая юбка из козлиной кожи. По массивному ожерелью из ракушек – ценности, которая передавалась от матери к дочери, – и по прическе Нина поняла, что женщина замужем. Ее кожа, покрытая охрой и обмазанная молочным жиром для защиты от палящего солнца, приобрела кирпичный оттенок, на лодыжках – здесь их считали самой интимной частью тела – при каждом движении позвякивали тонкие металлические браслеты.

Не замечая Нину, она остановилась у пересохшего русла реки и окинула взглядом рубец, оставшийся там, где прежде текла вода. Она потянулась к ребенку, ее лицо исказилось отчаянием. Такое выражение Нина видела у женщин со всего света, особенно часто во времена войны и разрухи, – леденящий душу страх за будущее ребенка. Идти за водой было некуда.

Нина нажала на кнопку спуска и продолжала снимать до тех пор, пока женщина не направилась к круглой хижине, где села в кругу соплеменниц. Переговариваясь, они разбивали о плоские камни куски гематита и собирали в калебасы песчаную крошку – красную охру.

Надев крышку на объектив, Нина поднялась на ноги и размяла ноющие мышцы. С рассвета она сделала уже несколько сотен снимков, но, даже не рассматривая контрольные отпечатки, она понимала: лучшие – с этой женщиной на берегу.

Она мысленно откадрировала снимок, представила, как повесит его рядом с лучшими работами в своей коллекции. Придет день, когда созданные ею портреты покажут миру ту силу, какой обладают женщины, – равно как и цену, которую им приходится за нее платить.

Нина вынула отснятую кассету, подписала и убрала в футляр, а затем, заправив в камеру новую пленку, спустилась в деревню. Она улыбалась жителям и раздавала сладости, ленточки и браслеты, которые носила с собой. Ей удалось сделать еще один многообещающий кадр: четыре женщины химба выходят из дымовой ванны, натопленной травами, – так в землях, лишенных воды, заботились о чистоте. Они держались за руки и смеялись, и этот образ был живым воплощением связи между женщинами всего мира.

Сзади к ней подошел Дэнни:

– Доброе утро.

Она приникла к нему, довольная кадрами.

– Как же здорово они заботятся о детях, даже в таких безумных условиях. Мне хочется плакать, когда я вижу, как они смотрят на малышей. Странно, да – после всех ужасов, которые мы повидали?

– Значит, тебе интересны матери. А я-то думал, воительницы.

Нина нахмурилась. Эта мысль никогда не приходила ей в голову, и его замечание ее встревожило.

– Необязательно матери. Женщины, которые за что-то борются, превозмогают немыслимые обстоятельства.

Он улыбнулся:

– А ты все же романтик.

– Ну-ну, – засмеялась она.

– Готова отправиться дальше?

– Думаю, я сняла все, что нужно.

– Значит, теперь сможем неделю лежать у бассейна?

– С большим удовольствием.

Пока Дэнни разговаривал с вождем и расплачивался за съемку, Нина упаковала оборудование и собрала вещи. Затем установила на песке антенну спутникового телефона, развернула ее и отрегулировала направление, ловя сигнал.

В офисе редакции ожидаемо никого уже не было, поэтому она оставила для Сильвии сообщение и пообещала перезвонить из Замбии, с туристической базы на берегу Чобе. Они с Дэнни забрались в старый побитый «лендровер», пересекли безжизненную пустыню Каоколенд, а на юг полетели на самолете. Добравшись до базы на закате, расположились на террасе и стали смотреть, как на другом берегу стадо слонов бредет в лучах заходящего солнца. Здесь можно было попивать джин-тоник всего в ста ярдах от высоких зарослей, где охотились львы.

Надев видавшее виды бикини, Нина растянулась на роскошном двухместном шезлонге и закрыла глаза. Ночной воздух пах мутной водой, пересохшей травой и грязью, окаменевшей под беспощадным солнцем. Впервые за много недель ее короткие черные волосы были чистыми, а под ногтями не темнела красная грязь. Чистая роскошь.

Она услышала, как Дэнни выходит из комнаты на террасу. После каждого шага он делал еле уловимую паузу, давая передохнуть правой ноге, получившей пулю в Анголе. Он уверял, что его ничего не беспокоит и боли нет, но Нина знала о таблетках, которые ему приходится пить, и о том, что иногда он подолгу не может уснуть, поскольку никак не найдет удобную позу. Делая ему массаж, Нина разминала правую ногу особенно тщательно, хотя он не просил, а она никогда бы об этом не заикнулась.

– Держи, – сказал он, поставив на стол из тика два напитка.

Она с благодарностью посмотрела на него и вдруг заметила сразу несколько необычных деталей. Во-первых, он налил ей не джин-тоник, а чуть ли не целый стакан чистой текилы. Во-вторых, к текиле он не принес соли. В-третьих, – и это встревожило сильнее всего – он не улыбался.

Она резко села:

– Что случилось?

– Лучше сначала выпей.

Если ирландец предлагает сначала выпить – жди дурных новостей.

Он присел на шезлонг, и она подвинулась, освобождая место рядом.

На небе уже появились звезды, и в их бледном серебристом сиянии она смотрела на его острые черты лица, впалые щеки, голубые глаза и кудрявые волосы. Глядя на него, настолько печального, она осознала, как часто он обычно смеялся и улыбался, – даже тогда, когда нещадно палило солнце, из-за пыли было трудно дышать, а над головой грохотали выстрелы. Дэнни всегда находил силы улыбаться.

Но не сейчас.

Он протянул ей небольшой желтый конверт:

– Телеграмма.

– Ты уже прочитал?

– Ну конечно, нет. Но в ней вряд ли хорошие новости, так ведь?

Значение телеграмм понимали все журналисты, продюсеры и фоторепортеры в любой точке мира. С их помощью члены семьи сообщали плохие вести – даже теперь, в эпоху спутниковых телефонов и интернета. Дрожащими руками Нина взяла конверт. Увидев на нем имя Сильвии, она почувствовала облегчение, но надежда исчезла, как только она прочла текст.

НИНА.
У ТВОЕГО ОТЦА ИНФАРКТ.
МЕРЕДИТ СКАЗАЛА, ВСЕ ПЛОХО.
СИЛЬВИЯ

Она подняла глаза на Дэнни.

– Что-то случилось с папой… Мне надо срочно уехать…

– Не выйдет, милая, – мягко сказал он. – Следующий рейс только в шесть утра. Я куплю билеты из Йоханнесбурга в Сиэтл. Там мы возьмем машину. Так же быстрее всего?

– Мы?

– Ну да. Я хочу быть рядом. Разве это плохо?

Нина не знала, что ответить. Она не привыкла искать в других утешения, полагаясь в этом только на себя. Ей совсем не хотелось становиться уязвимой. Если она и научилась чему-то у матери, так это держать самооборону. И потому она поступила как всегда в подобных случаях: пальцы ее коснулись пуговицы на его штанах.

– Отнеси меня в постель, Дэниел Флинн. Помоги пережить эту ночь.

Бесконечное ожидание. Эти два слова описывали ситуацию точнее всего, но слово *бесконечный* напоминало Мередит о *конце*, а слово *конец* звучало почти как *кончина*, и от этой мысли эмоции, которые она пыталась подавить, готовы были прорваться наружу. Ее привычный способ бороться с тревогой – занять себя делом – не работал, как она ни старалась. Она попробовала разобраться в условиях страховки, прочитала уйму материалов об инфаркте и статистике выживаемости, составила список лучших в стране кардиологов. Но стоило ей отложить ручку или отвести взгляд от экрана, как горе снова захлестывало ее с головой. Глаза болели от постоянно подступавших слез. К счастью, пока Мередит держала себя в руках. Расплакаться означало бы признать поражение, а она не собиралась сдаваться.

Крепко скрестив руки на груди, Мередит стояла в комнате ожидания и таращилась на аквариум, где плавали разноцветные рыбки. Изредка ее взгляд цеплялся то за одну, то за другую – и тогда на крошечную секунду ей удавалось забыть, что папа, возможно, при смерти.

Сзади подошел Джефф. Его шагов по ковру не было слышно, но она знала, что он здесь.

– Мер, – тихо сказал он, положив ей руки на плечи.

Если она прижмется к нему, он сможет ее обнять. Отчасти Мередит хотела того же, жаждала утешения – но внутренний голос, который требовал не терять надежду, не позволял дать слабину. В объятиях мужа легко потерять контроль над собой, и кому это принесет пользу?

– Иди ко мне, – прошептал он.

Она покачала головой. Как он может не понимать?

Страх за отца поглощал все мысли; казалось, будто в грудь вонзили нож, который прошел сквозь мягкие ткани и теперь острием упирался в сердце. Стоит шевельнуться – и оно истечет кровью.

Джефф вздохнул и отстранился.

– Ты смогла дозвониться до Нины?

– Я оставила ей сообщения везде, где могла. Ты же знаешь Нину: когда получится, тогда и приедет. – Она снова бросила взгляд на часы: – Где же чертов доктор? Уже пора бы сообщить, как там папа. Еще десять минут – и я звоню заведующему.

Джефф начал что-то говорить – ее сердце так колотилось, что она почти ничего не разобрала, – но тут дверь распахнулась и появился доктор Ватанабе. Джефф, Мередит и ее мать тут же подошли к нему.

– Как он? – спросила мама, и ее голос гулко разнесся по комнате. Откуда в нем столько силы даже в такую минуту? Напряжение выдавал только усилившийся акцент, в остальном она казалась такой же спокойной, как всегда.

Мягко улыбнувшись, доктор ответил:

– Не очень. По пути в операционную он пережил второй инфаркт. Нам удалось его реанимировать, но состояние, не стану скрывать, тяжелое.

– Что будете делать?

– Делать? – нахмурился доктор. В его взгляде читалось сострадание. – Ничего. Сердце слишком повреждено. Остается ждать… и надеяться, что он переживет эту ночь.

Джефф осторожно приобнял Мередит.

– Если хотите, можете к нему заглянуть. Он в реанимации. Только заходите по одному, хорошо? – Доктор взял мать Мередит под руку.

Детали, подумала Мередит, глядя, как они уходят по коридору. *Сфокусируйся на деталях. Придумай, как все уладить.*

Не получилось.

Откуда-то из глубин сознания всплывали воспоминания. Вот отец на трибуне, нелепо улюлюкая, болеет за нее на школьных соревнованиях по гимнастике; вот, не пытаясь сдержать слез, ведет к алтарю. Всего неделю назад, отведя ее в сторонку, он предложил: «Давай выпьем пива, Бусинка. Как раньше, вдвоем».

А она отмахнулась: мол, давай, но в другой раз.

Неужели химчистка не могла подождать?

– Думаю, надо позвонить девочкам, – сказал Джефф. – Пусть летят домой.

В душе у Мередит что-то оборвалось, и, вопреки всякой логике, она возненавидела Джеффа за эти слова. Он уже готовился к худшему.

– Мер. – Он привлек ее к себе и прошептал: – Я люблю тебя.

Она оставалась в его объятиях столько, сколько смогла вынести, и отстранилась. Не говоря ни слова, даже не взглянув на него, она последовала за матерью и в суматошной, суровой обстановке реанимации ощутила бесконечное, пугающее одиночество. Перед ее глазами то и дело мелькали люди в голубой форме, но она не замечала никого, кроме папы.

Он лежал на узкой койке, окруженный трубками, капельницами и приборами, а рядом, не отрывая от него взгляда, стояла мать. Даже сейчас, когда жизнь мужа висела на волоске, вид у нее был почти вызывающе невозмутимый: спина безупречно прямая, а дрожь рук смог бы уловить, пожалуй, только сейсмограф.

Мередит вытерла глаза, осознав, что плачет. Она долго стояла в дверях – доктор велел заходить по одному, а Мередит не любила нарушать правила, – но в конце концов не выдержала и подошла к изножью кровати. Приборы гудели чудовищно громко.

– Как он?

Мать тяжело вздохнула и отошла. Мередит знала, что сейчас она встанет у окна и будет вглядываться в снежную ночь.

В другое время нелюдимость матери взбесила бы ее, но сейчас было не до того. В кои-то веки она даже не осудила мать. Каждый переживает боль как умеет.

Она наклонилась и дотронулась до руки отца.

– Привет, папочка, – шепнула она, стараясь улыбнуться. – Это я, твоя Бусинка. Здесь, рядом с тобой. Я люблю тебя. Поговори со мной, папа.

Ответом был только стук ветра в окно, за которым в свете фонарей танцевали снежинки.

Глава 3

Стоя в суматохе йоханнесбургского аэропорта, Нина смотрела на Дэнни. Она знала, что он хочет полететь с ней, но не могла даже представить зачем. Сейчас ей нечего было предложить ни ему, ни кому-то другому. Все, чего ей хотелось, – это уехать, быть подальше отсюда, оказаться дома.

– Мне нужно сделать это одной.

Она видела, что причиняет ему боль.

– Разумеется, – сказал он.

– Прости.

Он провел смуглой рукой по растрепавшимся длинным черным волосам и посмотрел на нее до того пронзительно, что у нее вырвался вздох. Взгляд проник в самое сердце, остро кольнул. Дэнни медленно потянулся к ней и обнял так, словно они были одни во всем мире, – двое любовников, у которых в запасе целая вечность. Он прижался к ее губам крепким, беззастенчивым поцелуем, почти первобытным по силе. Сердце Нины забилось быстрее, а щеки вспыхнули, хоть эта реакция была совершенно не к месту. Она взрослая женщина, а не робкая девушка, и меньше всего на свете ей сейчас хотелось думать о сексе.

– Не забывай это чувство, милая, – сказал он, отстраняясь, но не сводя с нее глаз.

На пару мгновений поцелуй смягчил боль, сделал ее ношу немного легче. Нина почти готова была сказать ему, что передумала, но не успела даже открыть рот, как Дэнни уже повернулся спиной и ушел. Постояв с минуту в оцепенении, она подняла с пола рюкзак.

Через тридцать четыре часа Нина оставила арендованную машину на темной, занесенной снегом больничной парковке и побежала внутрь, молясь, как и весь полет, об одном: лишь бы не опоздать.

На третьем этаже, в комнате ожидания, она увидела сестру – та, как часовой, стояла перед подсвеченным аквариумом с тропическими рыбками. Нина замерла, не решаясь окликнуть ее. Они с Мередит всегда, с самого детства, по-разному решали проблемы. Нина вечно падала, но тут же вскакивала; Мередит двигалась осторожно и редко теряла опору. Нина вечно что-нибудь разбивала; Мередит склеивала осколки.

Сейчас Нина жаждала именно этого: чтобы сестра склеила ее воедино.

– Мер, – тихо позвала она.

Мередит обернулась. Даже с противоположного конца комнаты, в тусклом свете флуоресцентных ламп, Нина видела, как сильно сестра устала. Каштановые волосы, обычно идеально уложенные, взъерошены, без макияжа кожа казалась чересчур бледной, под карими глазами круги, а с полных губ словно стерли краску.

– Ты приехала. – Мередит бросилась к Нине и прижала ее к себе.

Высвободившись из объятий, Нина почувствовала, что ноги у нее подкашиваются, а дыхание участилось.

– Как он?

– Не очень. Случился второй инфаркт. Сначала они хотели его оперировать… но теперь говорят, что состояние для этого слишком тяжелое. Доктор Ватанабе считает, что он вряд ли доживет до конца выходных. Хотя те же опасения вызывала и первая ночь.

Нина зажмурилась от пронзившей ее боли. Слава богу, она хотя бы успеет его увидеть.

Но как она сможет без него жить? Отец был ее опорой, ее Полярной звездой, единственным, кто всегда ждал ее возвращения.

Медленно открыв глаза, она снова взглянула на Мередит:

– А где мама?

Мередит отступила в сторону. Мать – красивая седовласая женщина – сидела в кресле с дешевой обивкой. Даже издалека Нина видела, как она сдержанна, как пугающе хладнокровна. Она не встала, чтобы поздороваться с младшей дочкой, даже не взглянула в ее сторону. Просто продолжала смотреть перед собой, и на бледном лице ее неземные голубые глаза будто светились. В руках у матери, как обычно, было вязанье. На чердаке, в аккуратных стопочках, у них пылилось уже с три сотни вязаных пледов и свитеров.

– Как она держится? – спросила Нина.

Мередит только пожала плечами, но Нине слова и не были нужны, все было ясно и без слов. Кто знает, что чувствует мать? Она всегда оставалась для них чуждой, непостижимой, сколько бы они ни старались понять ее. Особенно Мередит.

Вплоть до случая с рождественским спектаклем Мередит по пятам ходила за матерью, выпрашивая ее внимания, как котенок, но после того унижения бросила все попытки и дистанцировалась. С тех пор, хотя прошло много лет, пропасть между ними нисколько не сузилась – наоборот, скорее стала больше. Нина избрала другой путь. Она раньше, чем Мередит, отчаялась сблизиться с матерью и предпочла принять как должное ее страсть к одиночеству. Но во многом сестры, пожалуй, были похожи. Обеим не нужен был никто, кроме папы.

Кивнув Мередит, Нина пересекла комнату и опустилась рядом с матерью на колени. На нее вдруг нахлынуло незнакомое чувство: ей захотелось, чтобы кто-то ее утешил.

– Привет, мам, – сказала она, – я приехала, как только смогла.

– Молодец.

Нина услышала в голосе матери легкий надрыв, и эта секундная слабость как будто их сблизила. Она рискнула прикоснуться к ее худому запястью. Кожа матери была бледной и до того тонкой, что сквозь нее ясно просвечивали синие вены, и Нинины загорелые пальцы на ее фоне казались до нелепого темными. Возможно, на этот раз в утешении нуждалась сама мама.

– Он сильный человек, мама, с большой волей к жизни.

Плавно, точно робот с иссякнувшей батареей, мать опустила на нее взгляд. Нину потрясло, какая сила читалась в материнском лице, несмотря на старость и изможденность. Эти черты казались несовместимыми, но в матери всегда было много противоречий. Она страшно волновалась, когда дети убегали за пределы участка, но почти не смотрела на них, когда те были дома; утверждала, что Бога не существует, но обустроила красный угол, в котором никогда не затухала лампадка; ела ровно столько, сколько требовалось для жизни, но до отвала кормила детей.

– Думаешь, это имеет значение?

От жесткости в ее голосе Нина опешила.

– Думаю, нам нужно верить, что он поправится.

– Он в палате номер четыреста тридцать четыре. Иди, он тебя ждет.

Нина глубоко вдохнула и вошла в палату. Кроме гула приборов, не было слышно ни звука.

Еле сдерживая слезы, она медленно подошла к отцу. Казалось, будто его, взрослого мужчину, уменьшили и положили в детскую кроватку.

– Нина, – сказал отец неузнаваемым голосом, осипшим и слабым. Лицо его поражало неестественной бледностью.

Она изобразила улыбку, надеясь, что он сочтет ее искренней. Папе всегда было важно, чтобы люди радовались и смеялись, и она не хотела ранить его своей болью.

– Привет, папочка. – Она уже много лет не звала его так, и сейчас это обращение из детства вырвалось неожиданно для нее самой.

Он понял это – понял и улыбнулся. Но это была блеклая, слабая тень его прежней улыбки. Нина наклонилась и вытерла с его губ каплю слюны.

– Я люблю тебя, папочка.

Тяжело дыша, он сказал:

– Я хочу… домой.

Ей пришлось нагнуться еще ниже, чтобы расслышать его шепот.

– Тебе нельзя домой, пап. Здесь о тебе заботятся врачи.

Он крепко сжал ее руку и произнес:

– Умереть дома.

Нина не смогла сдержать слезы. Они потекли по щекам, закапали на белый пододеяльник, оставляя темные пятна, похожие на лепестки.

– Тише…

Он смотрел на нее, по-прежнему тяжело дыша. Она видела, как померк его взгляд и как ослабла в отце воля к жизни, и это ранило ее даже больше тех страшных слов.

– Будет нелегко, – сказала она. – Сам знаешь, как Мередит любит следовать правилам. Она захочет, чтобы ты оставался в больнице.

Он грустно улыбнулся, пустив слюну, и ее пронзила боль.

– Ты не любишь… когда легко.

– Точно, – тихо сказала она, с горечью осознавая, что больше никто не сможет понять ее так хорошо, как он.

Он закрыл глаза и медленно выдохнул. На секунду Нина решила, что потеряла его, что он внезапно угас во тьме, но приборы продолжали гудеть. Значит, он еще дышит.

Она рухнула на стул возле кровати, догадавшись, почему он обратился с просьбой именно к ней. Вывезти его домой против воли врачей могла бы и мать, но Мередит никогда бы ей этого не простила. Папа всю жизнь старался пробудить несуществующую любовь между дочками и женой и даже теперь не готов был сдаваться. Ему оставалось только рассказать ей о своем желании и надеяться, что она сможет помочь. Нина вспомнила, как часто он звал ее «моя бунтарка», «мой чертенок», как гордился ее решимостью всегда идти в атаку.

Конечно, она выполнит его просьбу – возможно, последнюю в его жизни.

Той же ночью, когда с папиной выпиской все было улажено, Нина вышла на темную парковку больницы. Она забралась в арендованный автомобиль и долго сидела там, стараясь отойти после ссоры с Мередит. Хотя Нина и добилась своего, эта победа далась ей очень непросто. Наконец, тяжело вздохнув, она завела двигатель и поехала прочь от больницы. Снег рисовал узоры на лобовом стекле – то исчезал, то снова появлялся под взмахами дворников. Но даже несмотря на плохую видимость, на подъезде к «Белым ночам» у нее перехватило дыхание.

Дом, стоявший между рекой и холмами, на фоне заснеженной долины казался как никогда прекрасным и причудливым, а рождественские огни вызывали мысли о волшебстве. Родной дом всегда напоминал Нине о детских сказках – с их темными силами, прекрасными принцами и каменными львами. Словом, он напоминал ей о маме.

На крыльце Нина стряхнула снег с кожаных походных ботинок и отворила дверь. Прихожая была забита пальто и обувью. На кухонной столешнице скопилось целое кладбище из кофейных чашек и грязных тарелок. В медном самоваре, мамином сокровище, отражался яркий свет люстры.

Мередит стояла одна в гостиной и смотрела на камин.

Нина видела, насколько та сейчас беззащитна. Как фотограф, она подмечала детали: дрожащие руки, усталый взгляд, напряженную спину.

Она подошла к сестре и обняла ее.

– Как мы будем без него? – прошептала Мередит, прижавшись к ней.

– Плохо, – только и ответила Нина.

Мередит вытерла слезы, резко выпрямилась и отстранилась, будто внезапно поняла, что допустила непозволительную слабину.

– Я останусь на ночь. На случай, если маме нужна будет помощь, – сказала она.

– Лучше я сама с ней побуду.

– Ты?

– Да. Как-нибудь справлюсь. А ты иди и займись любовью с красавцем-мужем.

Мередит нахмурилась: сейчас она не могла даже помыслить о наслаждении.

– Ты точно справишься?

– Точно.

– Хорошо. Я заеду к вам рано утром, подготовлю все к папиному возвращению. Его должны привезти в час, ты помнишь?

– Помню, – сказала Нина, провожая Мередит к выходу.

Едва сестра успела уехать, она взяла с кухонного стола рюкзак и сумку с камерами и поднялась по узкой и крутой лестнице на второй этаж. Миновала спальню родителей и зашла в их с Мередит бывшую детскую. На первый взгляд здесь все было одинаковым: две кровати, два письменных стола, два белых шкафа, но стоило присмотреться – и становилось ясно, что в комнате жили очень непохожие девочки, которым предстояло пойти совсем по разным дорогам. Даже в детстве у них было мало общего, а спектакль, насколько помнила Нина, стал их последней совместной затеей.

Тот день и для Мередит, и для матери стал переломным. Сдержав слово, Мередит больше не слушала ее сказок, но выполнить обещание было нетрудно: мать сама перестала рассказывать их. Нина ужасно скучала по ее сказкам. Она обожала слушать о волшебном дереве, Снегурочке, заколдованном водопаде, крестьянке и принце. Прежде, в те редкие вечера, когда мама уступала их уговорам, Нина завороженно слушала ее голос, убаюканная знакомыми переливами фраз. Все сказки мама знала наизусть, никогда не обращалась к книгам, однако от раза к разу в них не менялось ни слова. Она говорила, что все русские хорошо умеют рассказывать.

После случая со спектаклем Нина с папой не раз пытались заделать брешь, пробитую обидой Мередит и гневом матери. Разумеется, все было тщетно, и к одиннадцати годам Нина стала понимать почему. К этому времени мать столько раз ранила ее чувства, что ей тоже пришлось от нее отстраниться.

Покинув бывшую детскую, она закрыла дверь.

Затем вернулась к спальне родителей и постучала:

– Мам? Хочешь поесть?

Ответа не было. Нина постучала еще раз:

– Мам?

Опять тишина.

Она открыла дверь и вошла. Спальня, где царила идеальная чистота, была обставлена очень сдержанно: широкая кровать, антикварный комод, старенький русский сундук и, наконец, шкаф, забитый томиками романов, которые мать читала для книжного клуба.

Самой матери в комнате не было.

Нина нахмурилась и отправилась вниз, попутно окликая ее. Она уже начала было волноваться, но потом случайно выглянула в окно.

Мать сидела на скамейке в зимнем саду и глядела на свои руки. Кованую изгородь обвивала рождественская гирлянда с крошечными белыми огнями, из-за которых сад напоминал волшебный ларец, светящийся в темноте. В легком снегопаде все предметы казались похожими на мираж. Нина взяла в прихожей пальто и теплые сапоги, быстро оделась и вышла на улицу, стараясь не замечать, как снежинки обжигают ей губы и щеки. По этой причине она и предпочитает работать рядом с экватором.

– Мам? – Нина подошла к ней. – Не стоит тебе тут сидеть. На улице холодно.

– Это не холод.

Ее голос выдавал непомерную усталость, и Нина поняла, как сама вымоталась за этот ужасный день и сколько всего еще предстоит им завтра. Она села рядом с матерью на скамейку.

Казалось, они молчали целую вечность. Наконец мать заговорила:

– Твой отец считает, что я не смогу пережить его смерть.

– А ты сможешь? – простодушно спросила Нина.

– Сердце человека способно выдержать невообразимые вещи.

В этом Нина не раз убеждалась, путешествуя по миру. Как ни парадоксально, именно такой смысл несли в себе ее снимки воительниц.

– Да, но боль никуда не девается. Во время Косовской войны я однажды беседовала…

– Не говори со мной о работе. Такое можешь обсуждать с папой. Меня не интересует война.

Нину ее слова не задели – во всяком случае, в этом она постаралась себя убедить. Сама виновата, нечего откровенничать с матерью.

– Прости. Хотела поддержать разговор.

– Зря. – Мать наклонилась и прикоснулась к медной колонне, беспорядочно увитой бурой увядшей лозой. Из-под снега тут и там проглядывали красные ягоды остролиста, обрамленные блестящими зелеными листьями. Мать, конечно, этих красок не различала. Дефект зрения не позволял ей видеть сад в его подлинной красоте. Мередит всегда удивлялась, с чего бы женщине, для которой весь мир черно-белый, вдруг захотелось сажать цветы, зато Нина хорошо понимала мощь черно-белых изображений. Иногда достаточно обесцветить картину, чтобы она предстала перед тобой в истинном свете.

– Пойдем, мам, – сказала Нина, – я приготовлю нам ужин.

– Ты не умеешь готовить.

– И чья же это вина? – вырвалось у Нины. – Готовке дочерей учат мамы.

– Знаю-знаю, во всем виновата я. Как и всегда. – Мать поднялась и, захватив вязальные спицы, покинула сад.

Глава 4

Собаки встретили Мередит с такой радостью, словно она не появлялась дома лет десять. Рассеянно почесав каждую за ухом, она вошла в дом и включила везде свет по пути от кухни до гостиной.

– Джефф? – позвала она.

Тишина.

Тогда она сделала то, чему внутренне противилась: налила ром с колой – в основном ром, – вышла на веранду, села на маленький белый диван и стала смотреть на долину, залитую лунным светом. Питомник в таком освещении казался зловещим – сплошь корявые голые ветки в грязном снегу.

Мередит потянулась к корзинке, вытащила оттуда старый шерстяной плед и накинула его на плечи. Она понятия не имела, как справиться с горем и принять неизбежное.

Без папы она боялась стать такой же, как спящие яблони в их питомнике, – хрупкой, беззащитной, ранимой. Ей хотелось бы верить, что она не останется с этой болью один на один, но кто сможет ее поддержать? Нина? Джефф? Девочки? Мать?

Последний вариант казался абсурднее всего: мать не поддерживала ее никогда. Теперь они и вовсе станут чужими людьми, которых связывает только любовь умершего человека.

За ее спиной скрипнула дверь.

– Мер, ты чего сидишь здесь в такой мороз? Я тебя потерял.

– Хотела побыть в одиночестве.

Эти слова явно задели его; она хотела бы взять их назад, но оправдываться не было сил.

– Я не это имела в виду.

– Именно это.

Мередит поднялась; плед соскользнул с ее плеч и остался лежать на диване. Изобразив улыбку, она прошла мимо Джеффа в гостиную.

Сев в кожаное кресло возле камина, Мередит мысленно поблагодарила мужа за то, что он развел огонь, – как оказалось, она страшно замерзла. Крепко сжимая стакан, она отхлебнула ром. Только когда Джефф подошел к ней и посмотрел на нее сверху вниз, она спохватилась: нужно было сесть на диван, чтобы он смог расположиться рядом.

Он налил себе выпить и опустился на подножье камина. Вид у него был усталый. Разочарованный.

– Я думал, ты захочешь поговорить, – сказал он тихо.

– Пожалуй, нет.

– Как мне помочь тебе?

– Он при смерти, Джефф. Вот, пожалуйста, я сказала это. Мы разговариваем. Мне сразу же полегчало.

– Мер, прекрати.

Мередит понимала, что муж не заслужил такого гадкого обращения, но сдержаться не смогла. Ей хотелось остаться одной, забиться в какой-нибудь темный угол и притвориться, что ничего не случилось. Как он может не видеть, что ее сердце вот-вот разорвется, – или считать, что разговорами сумеет его исцелить?

– Чего ты от меня хочешь, Джефф? Я не знаю, как с этим справиться.

Он приблизился к ней и помог подняться. Кубики льда задребезжали в стакане. И как она могла не заметить, что дрожит? Джефф забрал стакан у нее из рук и поставил на столик у кресла.

– Я сегодня говорил с Эваном.

– Знаю.

– Он переживает.

– Еще бы. Он же… – Она не смогла второй раз произнести это вслух.

– При смерти, – мягко договорил он. – Но переживает он не из-за этого. Он боится за тебя и Нину, за вашу мать, за меня. Ему кажется, что семья без него распадется.

– Глупости, – сказала она, но голос предательски дрогнул.

– Думаешь?

Он прикоснулся губами к ее губам, и она вспомнила, насколько сильно когда-то его любила. Ей отчаянно захотелось снова испытать это чувство, прильнуть к нему, но она ощущала только холод и оцепенение.

Он обнял ее так, как не обнимал много лет, – будто рассыплется на кусочки, если она отстранится.

– Обними меня, – шепнул он, поцеловав ее возле уха.

Внутри нее что-то треснуло, оборвалось. Она попыталась поднять руки, но не смогла.

Джефф отпустил ее, шагнул назад и одарил ее долгим взглядом. Мередит задумалась, что же он видит.

С секунду, казалось, он собирался что-то сказать, но в конце концов молча вышел из комнаты.

Да и о чем, в общем-то, можно было еще говорить?

Ее папа при смерти. С этим ничего не сделаешь. Слова – как монетки, закатившиеся за комод, – больше никому не нужны.

Нине часто доводилось наблюдать за ранеными и умирающими и видеть, как в страданиях одного человека отражается боль всего мира. Еще один ее талант: каким-то образом ей удавалось целиком погрузиться в момент и вместе с тем сохранять достаточную дистанцию, чтобы запечатлеть его. Но как бы ни было тяжело находиться рядом с самодельными больничными койками и смотреть на людей со смертельными ранами, все это померкло сейчас, когда страдала она сама. После того как отца перевезли из больницы, ей уже не удавалось подавить боль, заперев горе в сундуке.

Она стояла в родительской спальне, возле большого окна, которое выходило на зимний сад и яблоневый питомник. Небо было лазурно-синим, совершенно безоблачным. Тусклое зимнее солнце теплым дыханием растапливало потемневшую снежную корку. Капли воды, стекая с карнизов, простреливали слой снега на ограде веранды.

Нина поднесла к глазам камеру и навела на Мередит, которая, стараясь выжать улыбку, смотрела на папу. Нина запечатлела хрупкость в выражении ее лица и печальный взгляд. Затем взяла в кадр мать, стоящую возле постели, – царственную, как Лорен Бэколл, и холодную, как Барбара Стэнвик[4].

На огромной кровати, среди белоснежных подушек и одеял, лежал отец – постаревший, худой и угасающий. Он вяло моргал, его веки, покрытые пигментными пятнами, то падали, как два приспущенных флага, то поднимались снова. Через видоискатель Нина увидела, что его слезящиеся карие глаза устремлены на нее. От этого пронзительного, прямого взгляда она на мгновение растерялась.

– Никаких камер, – произнес он.

Усталый, прерывающийся голос отца невозможно было узнать, и мысль о том, что скоро они лишатся даже возможности его *слышать*, ударила больнее всего. Нина понимала, почему он об этом просит. Он знает, почему она сейчас так нуждается в камере.

[4] Лорен Бэколл (1924–2014), Барбара Стэнвик (1907–1990) – американские актрисы, обладательницы премии «Оскар» за выдающиеся заслуги в кинематографе.

Медленно опустив фотоаппарат, Нина ощутила себя голой, незащищенной. Теперь, когда нельзя было спрятаться за стеклом линзы, она оказалась в реальном мире – там, где умирал папа. Она подошла ближе и остановилась рядом с Мередит. Мать стояла по другую сторону кровати. Все они были очень близко друг к другу.

– Я сейчас вернусь, – сказала мать.

Папа кивнул, и они обменялись настолько нежными взглядами, что Нина почувствовала себя лишней.

Когда мать ушла, папа взглянул на Мередит.

– Я знаю, что вам страшно, – тихо сказал он.

– Нам необязательно обсуждать это, – ответила Мередит.

– Если только ты сам хочешь. – Нина прикоснулась к его руке. – Тебе, наверное, тоже страшно… умирать.

– Только этого не хватало, – сказала Мередит, отступая на шаг от кровати.

Нина не хотела пускаться сейчас в объяснения, но она много лет наблюдала, как умирают люди. Она знала, что кто-то встречает смерть мирно, а кто-то, наоборот, с отчаянием и гневом. Пусть ей невыносимо было думать, что папа умрет, она хотела помочь ему. Убрав прядку седых волос с его покрытого пятнами лба, она вспомнила, как он выглядел в молодости. Его лицо всегда было загорелым из-за работы в питомнике – все, кроме лба, который скрывался под шляпой.

– Ваша мама сломается без меня, – сказал он, с трудом выговаривая каждое слово.

– Я о ней позабочусь, пап, обещаю, – с дрожью в голосе ответила Мередит. – Ты же знаешь, что позабочусь.

– Она не сможет пережить это снова… Пообещайте, что поможете ей.

Он закрыл глаза и тяжело вздохнул. Ему было все труднее дышать.

– Что именно пережить? – спросила Нина.

– Угомонись, Опра! – взъярилась Мередит. – Отстань от него. Пусть поспит.

– Но он же сказал…

– Он сказал, что нам нужно помогать маме. Будто об этом надо просить. – Мередит стала возиться с папиными одеялами и взбивать подушки, точно квалифицированная медсестра.

Нина понимала: если Мередит пытается занять руки, значит, ей страшно. Скоро она захочет ото всех убежать.

– Не уходи, – сказала Нина. – Нам с тобой надо поговорить…

– Не могу, – ответила Мередит. – Работу не поставишь на паузу, просто захотев. Вернусь через час.

И она ушла.

Нина машинально достала камеру и принялась снимать – для себя, не собираясь никому показывать снимки. Когда она навела камеру на папино бледное лицо, слезы, которые она уже не могла сдержать, затуманили взгляд, превратив фигуру отца в сероватое пятно на фоне огромной деревянной кровати с балдахином. Она хотела было сказать: *Я люблю тебя, пап*, но слова застряли в горле.

Нина бесшумно вышла из комнаты и притворила дверь. В коридоре она наткнулась на мать и, поймав ее полный боли взгляд, протянула к ней руку.

Но мать только отпрянула и, плотно закрыв дверь, скрылась в спальне.

Вот так. В жуткой тишине коридора перед Ниной будто снова пронеслось все ее детство. Хуже всего то, что она сама виновата.

К ее матери нечего было тянуться.

Тем же вечером Мередит с Джеффом поехали за девочками на вокзал. Встреча получилась совсем не такой, каким должно быть возвращение домой, – безрадостной, полной грустных взглядов и недомолвок.

– Как держится дедушка? – спросила Джиллиан, как только двери машины захлопнулись и они вчетвером оказались в тишине.

Мередит хотела бы соврать, но дочери были уже слишком взрослыми, чтобы ограждать их от правды.

– Не очень, – тихо сказала она. – Но он будет рад вас увидеть.

Глаза Мэдди наполнились слезами. Неудивительно: она всегда была особенно впечатлительной, смеялась и плакала громче других.

– Мы навестим его сегодня?

– Конечно, солнышко. Он нас ждет. Тетя Нина тоже приехала.

При упоминании Нины Мэдди улыбнулась, но это было лишь жалкое подобие ее обычной реакции.

– Класс.

Этот тихий, сдержанный ответ почему-то ранил Мередит сильнее всего. В нем слышалось предчувствие перемены – горя, которое навсегда изменит их семью. Мэдди и Джиллиан обожали Нину, считали ее едва ли не рок-звездой.

Но теперь новость о ее приезде вызвала лишь еле слышное *класс*.

– Возможно, стоит показать дедушку кому-то еще, – сказала Джиллиан. В ее спокойном и мягком голосе Мередит уже угадывала интонации будущего врача. В этом вся Джиллиан – твердая и невозмутимая.

– Его уже осмотрело много отличных врачей, – сказал Джефф. Он выждал минуту, позволив всем вникнуть в эти слова, а затем завел двигатель.

В другой ситуации, коротая время в пути, они бы стали болтать, смеяться и рассказывать истории, а дома сели бы на кухне играть в карты или включили бы в гостиной кино.

Но в этот раз то и дело повисало молчание. Хотя девочки и пытались завести разговор, вяло рассказывая об учебе, о порядках в студенческих женских клубах и даже погоде, это не помогло развеять напряжение.

Приехав в «Белые ночи», они зашли в дом и поднялись по узкой лестнице на второй этаж. На верхней ступеньке Мередит обернулась к девочкам с мыслью предупредить их, что дедушка в плохом состоянии, но потом осеклась: они уже взрослые. Так что она тихонько кивнула, открыла дверь и проводила их в спальню.

– Привет, пап. Смотри, кто приехал.

Нина сидела на каменном подножье камина, спиной к ярко-рыжему пламени. Увидев их, она встала.

– Даже не верится, что это мои племяшки, – сказала она, но не рассмеялась, как сделала бы прежде.

Она подошла к девочкам и крепко их обняла. Затем обняла и Джеффа.

– Дедушка очень вас ждал, – сказала мать, поднимаясь из кресла-качалки возле окна. – И я тоже.

Мередит не знала, заметил ли кто-то еще перемену в ее голосе.

Так было всегда. Насколько холодна была мать с собственными дочерями, настолько же тепло относилась к внучкам. Многие годы Мередит задевало расположение матери к Мэдди и Джиллиан – куда большее, чем к ней самой, – но в конце концов она стала радоваться, что ее дочерям достается бабушкина забота.

Девочки по очереди обняли бабушку, а затем повернулись к кровати с балдахином.

На ней не шевелясь лежал папа, белый как мел; он попытался улыбнуться.

– Мои милые, – едва слышно прошелестел он.

От Мередит не скрылось, как ошеломило девочек его состояние. Они привыкли видеть дедушку крепким, надежным – таким, как яблони в их питомнике.

Джиллиан первая наклонилась к нему и поцеловала.

– Привет, дедушка.

У Мэдди глаза были влажными от слез. Она взяла сестру за руку и попыталась что-то сказать, но не сумела.

Он дотронулся дрожащими пальцами до ее щеки:

– Не плачь, принцесса.

Мэдди вытерла глаза и кивнула.

Отец попытался сесть, и Мередит подошла помочь. Она взбила подушки и подложила ему под спину.

– Мы все здесь, – хрипло проговорил он и посмотрел на жену: – Аня, пора.

– Нет, – отрезала та.

– Ты обещала.

Мередит почувствовала, что в комнате, точно облако дыма, повисло напряжение. Она взглянула на Нину, и та кивнула – значит, тоже это заметила.

– *Начинай*, – потребовал отец с непривычной суровостью.

На такой приказ мама возразить не смогла, только глубже откинулась в кресле-качалке.

Не успела Мередит уложить в голове эту поразительную капитуляцию, как отец снова заговорил.

– Ваша мама согласилась рассказать нам сказку. Впервые за столько лет. Как раньше.

Он посмотрел на жену, и в его улыбке было столько любви, что у Мередит сжалось сердце.

– Думаю, это будет сказка о крестьянке и принце. Моя любимая.

– *Нет*, – то ли подумала, то ли произнесла Мередит, отпрянув от кровати.

Нина пересекла комнату и села на пол у ног матери. Когда-то давно это было ее – их обеих – привычное положение.

– Иди сюда, Мэд, – сказала Нина, похлопав по полу.

Джефф выбрал большое кресло возле камина, и Джиллиан устроилась рядом с ним. Только Мередит не двигалась – казалось, ноги не хотят ее слушаться. Она много лет притворялась, что сказки матери ничего для нее не значат, но теперь вынуждена была признать, что обманывала себя. Она всегда любила слушать их, в такие минуты даже начинала любить мать. Именно по этой причине она постаралась забыть их. Слишком уж много боли сказки причиняли.

– Садись, Бусинка… – нежно сказал папа, и, услышав свое детское прозвище, Мередит перестала сопротивляться.

Она оцепенело пересекла комнату и опустилась на восточный ковер, как можно дальше от матери.

Та неподвижно сидела в кресле-качалке, узловатые руки лежали на коленях.

– Ее зовут Вера, она бедная крестьянка, почти никто. Конечно, она пока это не сознает. В столь юном возрасте такое не понимаешь. Ей пятнадцать лет, она живет в Снежном королевстве – волшебной стране, которая с недавних пор разлагается изнутри. Злые силы завладели этим краем, их предводитель – бессердечный Черный князь – жаждет все уничтожить.

По спине у Мередит пробежали мурашки. В памяти всплыла картинка – мать заходит к ним перед сном и рассказывает удивительные истории о каменных львах, мерзлых деревьях и журавлях, поглощающих свет звезд. Рассказы всегда происходили в темноте, и голос матери, как и сейчас, завораживал. Такие вечера ненадолго их сближали, но наутро от этой близости не оставалось даже следа, а о сказках они днем не упоминали.

– Власть Черного князя распространяется, как болезнь, и когда жители узнают правду, пути назад уже нет. Скверна успевает проникнуть всюду: снег окрашивается в жуткую лило-

вую черноту, лужи на улицах тянутся щупальцами, затягивают неосторожных прохожих в свою трясину, деревья бранятся друг с другом и перестают плодоносить. Честные жители не способны остановить это зло. Они любят свое королевство, но привыкли

прятаться от опасностей. Вере не дано их понять. Да и кто бы в ее возрасте понял? Она лишь знает, что Снежное королевство – неотрывная ее часть, такая же, как ступни или ладони. Однажды, сама не зная отчего, она просыпается ровно в полночь и торопливо выбирается из постели, стараясь не разбудить сестру. Она подходит к окну и, распахнув его, смотрит на мост вдалеке. Июнь, в воздухе пахнет цветами, а ночь коротка, как взмах крыльев бабочки, – и в мечтах Вера уносится в прекрасное будущее.

Стоят белые ночи, и в самый темный час небо глубокого пурпурно-лилового оттенка. В такие дни в королевстве никогда не стихает гомон. Круглыми сутками на улицах полно людей, влюбленные прогуливаются по мостам. Придворные лишь под утро покидают кабаки, пьяные от медовухи и света.

Вдыхая ночной летний воздух, Вера слышит в соседней комнате сердитые родительские голоса. Она знает, что не должна подслушивать, но не может сдержаться. На цыпочках она подходит к их комнате и чуть заметно приоткрывает дверь. Мама стоит у очага и, беспокойно стискивая руки, смотрит на папу.

– Пора прекращать, Петя. Ты ведешь себя слишком опасно. Черный князь становится все сильнее: каждую ночь кто-нибудь превращается в дым.

– Ты не можешь просить меня о таком.

– И все же я прошу. Умоляю. Начни писать то, что угодно Черному князю. Ведь это всего лишь слова.

– Всего лишь слова?

– Петя, – шепчет мама, и Вера пугается, заметив слезы в ее глазах, – прежде ей не доводилось видеть, как мама плачет. – Я боюсь за тебя. Боюсь тебя, – добавляет она, еще больше понизив голос.

Он обнимает ее и говорит:

– Я стараюсь быть осторожным.

В полной растерянности Вера прикрывает дверь комнаты. Она смогла понять далеко не все, а может, и вовсе не поняла ничего, но ей ясно, что мама напугана, а такого прежде с ней не случалось.

Но ведь папа всегда будет оберегать их от бед…

Она решает расспросить маму утром, но, проснувшись, уже не помнит об этом. На улице сияет солнце, и ей не терпится пойти гулять.

Ее любимое королевство в полном цвету; цветет и она сама. Разве можно думать о плохом, когда светит солнце?

Она так счастлива, что даже ведет младшую сестру в парк.

– Вера, смотри, как я могу! – кричит двенадцатилетняя Ольга, кувыркаясь колесом.

– Здорово, – отзывается Вера, но на самом деле толком и не глядит на сестру. Откинувшись на скамейке и закрыв глаза, она подставляет лицо лучам солнца. После долгой холодной зимы так приятно ощущать на коже тепло.

– Принес я в дар тебе две розы[5].

Вера медленно открывает глаза и видит перед собой самого прекрасного юношу, какого ей доводилось встречать.

Принц Александр. Его узнает каждая девушка.

[5] Строка из стихотворения А. С. Пушкина «Фонтану Бахчисарайского дворца».

На нем безупречно скроенная одежда, украшенная золотой вышивкой. Позади него – белый, сверкающий экипаж с упряжкой из четырех белоснежных коней. В руках он держит два цветка.

Она продолжает начатый им стих, мысленно благодаря отца за то, что давал ей много читать.

– Ты так юна, а уже знаешь стихи, – говорит он, и она слышит в его голосе восхищение. – Кто ты?

Она выпрямляется в надежде, что он заметит ее едва оформившуюся грудь.

– Меня зовут Вера. И я не так уж юна.

– Неужели? Бьюсь об заклад, твой отец не отпустит тебя со мной на прогулку.

– Я не прошу разрешения выйти на улицу, ваше высочество, – краснея от лжи, отвечает она.

Он смеется, и его смех кажется музыкой.

– Что ж, Вера, тогда увидимся вечером. В одиннадцать. Где мне тебя найти?

Одиннадцать. В такое время Вере полагается быть в постели. Но признаваться в этом нельзя. Может, ей удастся притвориться больной, и тогда она соорудит из одеяла куклу и выберется через окно. А еще придется наколдовать наряд, в котором не стыдно появиться перед принцем. Вряд ли он захочет гулять с бедной крестьянкой, одетой в изношенное льняное платье. Может, ускользнуть на болота, где ведьмы готовы наворожить любовь в обмен на палец? Тут она замечает, что ее сестра увидела принца и бежит к ним.

– На Зачарованном мосту, – говорит Вера.

– Боюсь, стоять мне там в одиночестве.

– Я приду. Честное слово. – Она вздрагивает, поняв, что Ольга уже совсем рядом. – Ступайте, принц Александр. Встретимся на мосту.

– Можешь называть меня Сашей.

Вот так, себе на беду, она и влюбляется в этого улыбающегося юношу. Мало того, что она ему не ровня, так вдобавок он может навредить ее близким. Опустив взгляд на свои бледные тонкие руки, она видит мозоли, натруженные стиркой на шершавых камнях. Она размышляет, каким пальцем смогла бы пожертвовать ради любви… и сколько пальцев ей придется отдать, чтобы принц полюбил ее в ответ?

Но все это не имеет значения – по крайней мере, для Веры, ведь любовь уже зародилась в ее душе. Она ускользает из дома к своему принцу, который тоже в нее влюблен. Они женятся и живут долго и счастливо.

Мать поднялась с кресла:

– Конец.

– Аня, – строго сказал отец. – Мы же договорились…

– Хватит. – Коротко улыбнувшись внучкам, она вышла из комнаты.

В глубине души Мередит почувствовала облегчение. Вопреки своей воле, она снова поддалась магии маминой сказки.

– Пойдем домой, девочки. Дедушке нужен отдых.

– Не убегай, – попросил отец.

– Разве я убегаю? Уже почти десять. Девочки весь день были в дороге, они валятся с ног. Мы вернемся утром. – Она подошла к постели, наклонилась и поцеловала его в щетину. – Поспи, ладно?

Он коснулся лица Мередит, взглянул ей в глаза и погладил щеку шершавой ладонью.

– Ты внимательно слушала?

– Конечно.

– Вы должны ее слушать. Она ваша мать.

Мередит хотелось возразить, что у нее нет времени на сказки и что не так-то просто слушать женщину, которая говорит словно через силу, – но только улыбнулась отцу.

– Хорошо, пап. Люблю тебя.

Он медленно опустил ладонь.

– И я тебя, Бусинка.

Нина всегда с особенной теплотой вспоминала сказки из детства, она прекрасно их помнила, хоть и прошло больше десяти лет.

Зачем папа решил вспомнить о них сейчас? Он ведь знает, что добром это не кончится. Мать и Мередит покинули комнату так быстро, будто бежали с тонущего корабля.

Оставшись наедине с отцом, Нина поднялась с пола и подошла к кровати. За ее спиной в камине полыхнул язык пламени, и одно из поленьев рассыпалось красными углями.

– Я люблю звук ее голоса, – сказал он.

Тогда-то Нина наконец поняла. Сказки были единственным способом разговорить мать.

– Тебе хотелось, чтобы мы собрались вместе.

Отец вздохнул; звук был тонкий, как нить, и, издав его, он словно побледнел еще больше.

– Знаешь, что приходит на ум… в такую минуту?

Она взяла его за руку:

– Что же?

– Ошибки.

– Ты их, считай, и не совершал.

– Она пыталась разговаривать с вами. Но потом случился тот проклятый спектакль… Зря я позволял ей замыкаться в себе. Она сломлена, а я люблю ее больше жизни.

Нина нагнулась и поцеловала отца в лоб.

– Не переживай, пап. Это уже неважно.

Отец сжал ее пальцы, глядя на дочь влажными глазами.

– Нет, важно, – едва слышно сказал он. – Она нуждается в вас… а вы в ней. Пообещай мне.

– Что пообещать?

– Когда меня не станет… узнайте ее поближе.

– Но как? – Нина с детства помнила, что мать никого к себе не подпускает. – Я уже пробовала. Она не хочет с нами разговаривать.

– Попросите маму рассказать вам историю о крестьянке и принце. – Отец закрыл глаза, у него вырвался хриплый вздох. – Только на этот раз до конца.

– Я понимаю, чего ты хочешь. Прежде ее сказки хотя бы на время сближали нас. Когда-то я даже верила… Но этого не случилось. Она никогда…

– Просто попробуй, ладно? Вы еще не слышали всю историю.

– Но…

– Пообещай мне.

Она коснулась его лица, пальцы ощутили колючесть седой щетины, мокрой от слез. У отца слипались глаза. Сегодняшний день – а может, и этот разговор – дался ему чересчур тяжело. Он угасал. Всю жизнь мечтая, чтобы жена и дочери полюбили друг друга, он старался поверить, будто хорошая сказка поможет мечте осуществиться.

– Ладно, пап.

– Люблю тебя, – невнятно выдавил он, и не будь слова такими знакомыми, она вряд ли смогла бы их разобрать.

– И я тебя люблю.

Нина снова поцеловала отца в лоб и подтянула ему одеяло до самого подбородка. Затем выключила ночник, повесила на шею камеру и вышла из спальни.

Она глубоко вдохнула, вновь овладевая собой, и спустилась на первый этаж. На кухне мать нарезала свеклу и репчатый лук для борща. На плите в огромной кастрюле закипал бульон.

Все как всегда. Мередит в трудный час старалась занять себя делом, Нина хватала камеру, а мама начинала готовить. Чего ни одна из них не умела, так это облекать боль в слова.

– Ты тут, – сказала Нина, привалившись к косяку.

Мать медленно повернулась. Седые волосы были зачесаны назад и собраны в «балетный» пучок на затылке. Лицо бледное, но ледово-голубые глаза смотрели не по возрасту цепко. Однако в ее облике появилась и какая-то новая, непривычная хрупкость.

– Я всегда любила твои сказки, – сказала Нина.

Мать вытерла руки о фартук.

– Сказки нужны только детям.

– Папа тоже их обожает. Он говорил, что раньше ты читала ему сказку на каждое Рождество. Может, завтра расскажешь одну из них мне? Мне очень хочется знать, чем закончится история крестьянки и принца.

– Он при смерти, – сказала мать. – По-моему, поздновато для сказок.

Нина поняла: сколько ни старайся, обещание, данное папе, сдержать не удастся. Нет способа сблизиться с мамой. Никогда не было.

Глава 5

Мередит сбросила одеяло и встала с кровати. Она прошла в ванную, накинула висевший на двери халат и почистила зубы, стараясь не смотреть в зеркало. Сегодня ей лучше не видеть свое отражение.

Выйдя из спальни, она услышала шум: внизу прыгали и лаяли собаки и кто-то смотрел телевизор. Мередит улыбнулась. Впервые за много месяцев она почувствовала себя по-настоящему дома.

Она спустилась и прошла на кухню. Джиллиан накрывала на стол. Собаки рядом ждали угощения, что перепадет им от завтрака.

– Папа просил тебя не будить, – сказала Джиллиан.

– Спасибо. А где Мэдди?

– Спит еще.

Джефф протянул Мередит чашку кофе.

– Ты в порядке? – тихо спросил он.

– Плохо спала. – Она посмотрела на него поверх чашки. Сказка, вдобавок к болезни отца, всколыхнула в ее душе слишком много эмоций, и всю ночь она проворочалась в постели. – Я мешала тебе?

– Нет.

Она вспомнила, как прежде они спали, обнявшись. Теперь же между ними зияла такая дыра, что бессонная ночь одного для второго проходила незаметно.

– Мама, – сказала Джиллиан, раскладывая салфетки, – мы ведь пойдем сегодня к бабушке с дедушкой?

Мередит потянулась мимо Джеффа и придвинула к себе тарелку с тостами, намазанными маслом. Отломив кусочек, она сказала:

– Я собираюсь к ним прямо сейчас. А вы можете сначала позавтракать.

Джефф кивнул:

– Выгуляем собак и сразу же к вам.

Она кивнула в ответ и, захватив с собой чашку кофе, пошла наверх, где переоделась из пижамы и халата в удобные джинсы и вязаную водолазку. Затем, наспех попрощавшись с домашними, выскочила из дома.

День стоял на удивление солнечный. Родители жили где-то в четверти мили от них, и, выдыхая облачка пара, она отправилась вниз по холму. Всю ночь ей снился папа. Хотя, возможно, это были воспоминания, а не сны, – или и то и другое. Одно Мередит знала точно: ей нужно побыть с ним, послушать истории из его жизни и хорошенько запомнить их, чтобы однажды пересказать дочерям. В ее семье не принято было делиться воспоминаниями о прошлом, рассматривать фотоальбомы или делать что-нибудь еще в этом роде. Они с Ниной лишь в общих чертах знали, что папины родственники жили в Оклахоме и разорились во время Великой депрессии. Знали, что он служил в армии и познакомился с их матерью в конце войны. И это, в общем-то, все. В основном семейные истории относились уже ко времени «Белых ночей», а тогда ее, как и многих детей, своя жизнь занимала куда больше, чем папина.

Теперь нужно исправить эту ошибку – и извиниться за то, что вчера так сбежала. Его явно это ранило, и она ужасно на себя злилась. Она собиралась поцеловать его, попросить прощения и сказать, как сильно его любит. Если для него это важно, она готова хоть целыми днями слушать глупые сказки матери.

Она поднялась на крыльцо и вошла в дом.

– Мам? – закрыв дверь, позвала Мередит. Она сразу же поняла, что кофе еще не сварен, и недовольно буркнула: – Молодец, Нина.

Поставив кофейник, она поднялась на второй этаж и постучала в закрытую дверь спальни.

– Это я, Мередит. Вы там?

Ответа не последовало, и она отворила дверь. Родители в обнимку лежали в кровати.

– Доброе утро. Я поставила кофе и самовар. – Она подошла к окну и раздвинула тяжелые шторы. – Доктор сказал, папе нужно постараться поесть. Как насчет яиц и тостов?

Сквозь огромное эркерное окно спальню затопил солнечный свет, засиял на дубовых половицах, натертых воском, выпятил и без того центральный элемент в комнате – роскошную кровать в восточноевропейском стиле. Как и везде в доме, здесь почти не было ярких деталей. Белая постель, темная мебель. Белой была даже узорная обивка кушетки и кресла, которые стояли в углу. Комнату обставляла мать; не различая цветов, она ограничивалась черным и белым. На стенах не было картин, только самые известные Нинины фотографии, черно-белые, в строгих рамках из орехового дерева.

Пробежавшись взглядом по комнате, Мередит посмотрела на родителей. Отец лежал лицом к комоду, на левом боку, а мать, прижавшись к его спине, сзади обвивала его руками. Она что-то шептала ему, и Мередит не сразу сообразила, что слова русские.

– Мама? – нахмурившись, позвала Мередит.

Хотя мать была русской до мозга костей, она никогда не говорила на родном языке в кругу семьи.

– Я пытаюсь его согреть. Он такой холодный. – Мать начала исступленно растирать ладонями его руки и бок. – Очень, очень холодный.

Мередит застыла. Она думала, что ей знакома боль, но ничего сравнимого ей прежде не доводилось испытывать.

Отец лежал пугающе неподвижно. Волосы растрепаны, рот приоткрыт, веки сомкнуты. Он выглядел безмятежно, будто всего лишь уснул, разве что губы еле заметно отливали голубым, но у Мередит, знавшей его лицо до мельчайшей черточки, не было сомнений: ее любимый папа больше не с ними. Кожа его приобрела ужасный серый оттенок. Больше он не обнимет ее так, что хрустнут кости, не шепнет: *Я люблю тебя, Бусинка*. Мередит почувствовала, как внезапно у нее ослабели ноги, и лишь усилием воли не позволила себе осесть на пол.

Она подошла к кровати и коснулась папиной щеки, невыносимо холодной.

Мать всхлипнула и снова принялась яростно растирать ему плечи и руки.

– Я приберегла для тебя хлеб. Просыпайся.

Мередит впервые слышала в голосе матери столько отчаяния. Впрочем, с отчаянием такой силы она не сталкивалась вообще никогда. Должно быть, это как ощутить, что земля уходит из-под ног и ты падаешь в пропасть.

Мередит старалась отогнать мысли о том, сколько всего не успела ему сказать, но тень вчерашнего вечера висела над ней, ворочалась в душе. Сказала ли она, что любит его?

Слезы обожгли глаза, но она знала, что если даст им волю, то пропадет. Ей остро, отчаянно хотелось, чтобы хоть один-единственный раз все было по-другому: пусть мать обнимет и успокоит ее, как ребенка. Но надеяться на такое глупо. Мередит подошла к телефону и набрала 911.

– У меня умер отец, – прошептала она в трубку. Сообщив детали, она вернулась к кровати и положила руку на плечо матери: – Его больше нет, мам.

Та подняла на нее безумный взгляд.

– Он такой холодный, – сказала мать жалобно, испуганно. – Они всегда такие холодные после смерти…

– Мам?

Мать вздрогнула и перевела взгляд на мужа.

– Нам нужны санки.

Мередит помогла ей встать с кровати.

– Я заварю чай, мам. Попьем… пока будем ждать, когда за ним приедут.

– Ты нашла кого-то? Как мы расплатимся?

– Не волнуйся об этом, мам. Давай-ка пойдем вниз. – Мередит потянула ее за руку. Впервые в жизни она ощущала себя сильнее матери.

– Он для меня все равно что дом, – сказала та, мотая головой. – Как мне жить без него?

– Мы по-прежнему будем рядом с тобой, – сморгнув слезы, ответила Мередит. Пустые слова, не способные смягчить боль. Мать права. Он был их домом, душой семьи. Как они смогут без него жить?

Нина еще до рассвета вышла в яблоневый питомник, надеясь хоть немного отвлечься, поснимав. Ненадолго это сработало. У нее захватило дух от вида голых яблонь, увешанных сосульками, – хрустальные скульптуры на фоне розовеющего неба. Отцу точно понравятся такие портреты его любимых деревьев.

Сегодня она займется тем, что пора было сделать еще лет десять назад, – отснимет серию фотографий с яблонями. Каждое из деревьев было живым воплощением папиного труда, дела всей его жизни, и ему будет приятно смотреть на эти снимки, видеть, как многого он достиг. Можно даже покопаться в семейном фотоархиве (впрочем, не очень обширном) и отыскать там старые фотографии питомника.

Закрыв объектив крышкой, она повернулась и посмотрела на особняк. Остроконечная крыша дома пылала медью в лучах солнца. Еще слишком рано нести папе кофе, а мать явно не захочет сидеть за столом с ней вдвоем, так что Нина двинулась вверх по склону, к дому сестры. Выйдя из дальней части питомника на дорогу, она поняла, что еле переводит дух.

А Мередит бегает так каждый день. Невероятно.

Подойдя к бывшему фермерскому дому, Нина не сдержала улыбку: каждый дюйм фасада был увешан рождественскими украшениями. Бедный Джефф, наверное, не один день присобачивал все эти гирлянды.

Ну еще бы. Мередит с детства обожала праздники.

Постучавшись, Нина открыла дверь. На нее тут же радостно набросились собаки.

– Тетя Нина! – Мэдди выбежала к ней и крепко обняла. Для них обеих вчерашняя встреча оказалась чересчур сдержанной.

– Привет, Мэд, – улыбнулась Нина. – Да тебя и не узнать, малышка. Ты стала такой красавицей.

– А была на троечку? – поддразнила Мэдди.

– Ни больше ни меньше, – ухмыльнулась Нина.

Мэдди взяла ее за руку и потянула на кухню. Джефф за столом читал «Нью-Йорк таймс», а Джиллиан пекла блинчики.

Нина на секунду опешила. Прошлый вечер – со всей этой темнотой, маминой сказкой и сдерживаемым горем – казался до того неестественным, что Нина почти не обратила внимания на племянниц. Зато теперь она хорошенько их рассмотрела. Мэдди, по-прежнему резвая и неуклюжая, с темными длинными волосами, густыми бровями и крупным ртом, выглядела еще совсем юной, а Джиллиан уже была взрослой женщиной, невозмутимой и серьезной. Сразу видно – будущий врач. В облике этой высокой девушки, стоявшей возле плиты, еле уловимо проглядывала тень той пухлой светловолосой девчонки, которая могла все лето собирать в банки жучков, чтобы изучать их. Мэдди же выглядела точь-в-точь как Мередит в молодости, только излучала куда больше жизнелюбия, чем позволяла себе ее мать.

Неожиданно, глядя на повзрослевших племянниц, Нина ощутила, как постарела она сама. Ей впервые пришло в голову, что близится уже середина жизни и она давно не ребе-

нок. Конечно, стоило подумать об этом раньше, но если живешь в одиночестве и делаешь что хочешь и когда хочешь, то не замечаешь течения времени.

– Привет, тетя Нина, – сказала Джиллиан, снимая со сковородки последний блинчик.

Они обнялись, Нина взяла у нее из рук чашку кофе и подошла к Джеффу.

– А где Мередит? – спросила она, легонько сжав его плечо.

Он отложил газету.

– Ушла проведать вашего папу, уже где-то минут двадцать назад.

Нина внимательно посмотрела на Джеффа.

– Как она держится?

– Мне-то откуда знать, – сказал он.

– В смысле?

Прежде чем он успел ответить, к ним подошла Мэдди:

– Будешь блинчики, тетя Нина?

– Нет, солнышко. Пойду-ка я лучше к родителям. Ваша мама убьет меня за то, что я не сварила кофе.

Мэдди широко улыбнулась:

– Это уж точно. Мы тоже через полчасика подойдем.

Нина расцеловала девочек, попрощалась с Джеффом и отправилась обратно.

Вернувшись в родительский дом, она повесила на крючок позаимствованное пальто и позвала Мередит. Уловив запах свежесваренного кофе, прошла на кухню.

Мередит, опустив голову, стояла у раковины и смотрела на текущую из крана воду.

– Ты что, даже не накричишь на меня из-за несваренного кофе?

– Нет.

Что-то в ее тоне насторожило Нину, и она бросила взгляд на лестницу.

– Он не спит?

Мередит медленно повернулась. Нина прочла ответ в ее глазах, и мир будто разом сошел с орбиты.

– Он умер.

Нина резко втянула воздух. Где-то в груди, возле сердца, росла неизвестная прежде боль. В памяти не к месту возникла сцена из детства. Лет в восемь или девять она, черноволосая хулиганка, нехотя тащилась за отцом по питомнику. Вдруг она споткнулась и упала. *Классно слетала, Мандаринка*, сказал он ей. *Надеюсь, посадка мягкая.* Рассмеялся и посадил ее на свои широченные плечи.

Ничего не видя от слез, Нина шагнула вперед и почти повалилась на сестру. Ей вдруг показалось, что если крепко зажмуриться, то папа возникнет рядом. *Помнишь, как он учил нас запускать змеев в Оушен-Шорс?* Это воспоминание, столь же мимолетное, случайное, как и предыдущее, мало что говорившее об отце, всплыло в сознании и будто высвободило поток слез. Все ли она сказала ему вчера вечером? Успела ли показать, как сильно любит его, объяснить, почему приезжает так редко?

– Не могу вспомнить, говорила ли я папе вчера, что люблю его, – сказала Мередит.

Нина отстранилась и заглянула в застывшее лицо сестры.

– Говорила, я помню. Но он знал это и без слов. Я уверена.

Мередит кивнула и вытерла слезы.

– За ним… скоро приедут.

Нина наблюдала, как Мередит пытается взять себя в руки.

– А мама?

– Осталась наверху с папой. Никак не могу ее увести.

Они обменялись красноречивыми взглядами.

– Пойду тоже попробую, – сказала Нина. – А потом?..

– Начнем планировать похороны. И обзвоним знакомых.

Мысль о том, что вся папина жизнь теперь свелась к посмертным распоряжениям, казалась невыносимой, но выбора не было. Нина сказала, что скоро вернется, и вышла из кухни. Каждый шаг давался с мучительной тяжестью, и, поднявшись на второй этаж, она снова расплакалась – тихо, кротко, смиренно.

Она постучала в дверь спальни и немного подождала. Не услышав ответа, повернула ручку и вошла.

В комнате был лишь отец. Он лежал на кровати; одеяло, натянутое до самого подбородка, напоминало снежный покров.

Нина прикоснулась к его лицу, отвела от закрытых век белоснежную прядку волос, наклонилась и поцеловала отца в лоб. Его кожа была страшно холодной, и Нину пронзила мысль: *Он больше никогда мне не улыбнется*.

Распрямившись, Нина глубоко вздохнула и принялась рассматривать отца, стараясь запомнить все до мельчайших деталей. «Прощай, папочка», – нежно шепнула она. Ей хотелось сказать ему еще тысячу слов, но она приберегла их на будущее, их черед придет, когда среди ночи она почувствует себя опустошенной и одинокой или затоскует по дому.

Нина заставила себя отойти от кровати, чтобы не рассыпаться на кусочки, и достала телефон, но передумала звонить, даже не дождавшись гудка. Что она скажет? Разве Дэнни сможет облегчить такую боль? Боковым зрением она внезапно уловила за окном движение – промельк темного пятна на фоне снежной белизны.

Она подошла к окну.

Внизу мать сквозь сугробы пробиралась к теплице.

Нина поспешила вниз и, накинув пальто и сунув ноги в мокрые ботинки, вышла на веранду. Проходя мимо кухонного окна, она увидела за ним бледную Мередит, которая говорила по телефону, губы у нее дрожали. Нина не знала, успела ли та заметить ее.

Она спустилась по боковым ступенькам в сугробы, навалившие возле дома. Увидев в снегу следы матери, двинулась по ним.

Возле теплицы она остановилась, чтобы собраться с духом, а затем распахнула дверь.

Мать, стоя на коленях прямо на земле, в одной лишь батистовой ночной рубашке и сапогах, выдергивала и кидала в кучу маленькие клубни картофеля.

– Мам?

Нина позвала еще пару раз, но мать не реагировала. В конце концов она крикнула: «Аня!» – и приблизилась к матери.

Та замерла и повернулась к ней. Длинные, распущенные седые волосы спутанными прядями обрамляли бледное лицо.

– Тут немного картошки. Ему нужно поесть…

Нина присела рядом с матерью на корточки. Ее поведение пугало, но вместе с тем странным образом утешило. Впервые в жизни они с матерью ощущали одно и то же.

– Привет, мам. – Нина дотронулась до ее плеча.

Мать уставилась на нее, нахмурилась, в ее прекрасных голубых глазах читалось смятение. Она покачала головой и издала какой-то чудной звук, напоминающий икоту. Глаза увлажнились от слез, взгляд прояснился.

– Картошка ему не поможет.

– Нет, – тихо сказала Нина.

– Эвана больше нет. Эван умер.

– Вставай, – сказала Нина, подхватив ее под руку и помогая подняться. Они вышли из теплицы на заснеженный двор. – Пойдем в дом.

Мать, не обращая на нее никакого внимания, побрела куда-то прямо через сугробы, седые волосы и ночная рубашка развевались по ветру. Наконец она остановилась и села на черную скамейку в зимнем саду.

Разумеется.

Нина направилась к ней. Она сняла пальто и накинула на хрупкие плечи матери. Потом, ежась от холода, обошла скамейку и села рядом. Ей стало понятно, почему мать так любит свой сад – замкнутое, упорядоченное пространство. В необъятном питомнике только такой уголок мог дать ей ощущение безопасности. В саду было всего одно цветное пятно, не считая растений, зеленых летом и желтых по осени, – неброская медная колонна с выгравированной надписью. На ней стояла белая мраморная ваза, которая весной наполнялась белыми свисающими цветами.

– Я не хочу хоронить его, – сказала мать, – тем более в этой мерзлой земле. Лучше кремировать.

В голосе матери снова звучала привычная холодность, и Нина почти пожалела, что мимолетное безумие отступило. Та женщина, которую она застала в теплице, по крайней мере, чувствовала хоть что-то, но здесь, в саду, мать снова была такой же, как всегда, – безупречно владеющей собой. Нина хотела приникнуть к ней, шепнуть: *Мамочка, я буду так по нему скучать*, но привычки, сформированные еще в детстве, укоренились настолько глубоко, что даже через десятки лет она не могла изменить им.

– Хорошо, – сказала Нина.

Еще через минуту она поднялась:

– Я пойду в дом, мам. Помогу Мередит. Не засиживайся тут, ладно?

– Почему? – спросила мать, не сводя глаз с медной колонны.

– Схватишь воспаление легких.

– Думаешь, холод способен меня убить? Я не настолько везучая.

Нина опустила руку ей на плечо, почувствовала, как мать содрогнулась от прикосновения. Как ни глупо, но эта едва заметная реакция больно ее кольнула. Даже сейчас, когда обе горевали о папе, матери хотелось все переживать в одиночку.

Вернувшись в дом, Нина застала Мередит на том же месте, с телефоном в руках. Когда она вошла, Мередит повесила трубку и обернулась.

Они переглянулись, и в глазах у обеих отразилось осознание: семья больше не будет прежней. Их осталось только трое – Нина, мать и Мередит. Отныне они не круг, в центре которого стоит папа, а лишь далекие вершины треугольника. От этой мысли Нине захотелось немедленно сорваться в аэропорт.

– Дай-ка мне список номеров. Я возьму на себя часть звонков.

Больше четырех сотен человек собралось в маленькой церкви на церемонии прощания с Эваном Уитсоном, многие затем отправились в «Белые ночи», чтобы почтить его память и поднять бокалы. Судя по тому, сколько посуды Мередит пришлось вымыть, бокалов было поднято много. Нина, как и стоило ожидать, оказывала всем радушный прием: с готовностью чокалась и слушала рассказы о папе; мать с высоко поднятой головой переходила от одного гостя к другому, изредка задерживаясь на пару секунд. Мередит же взяла на себя практически все хлопоты. Она разложила на столах принесенную гостями еду, удостоверилась, что всем хватает салфеток, тарелок, бокалов, вилок и ножей, не забыла про лед для напитков и почти безостановочно мыла посуду. В общем, Мередит справлялась со стрессом так же, как и всегда: пряталась в нескончаемых делах и заботах. Она и правда пока была не готова общаться с соседями и друзьями семьи, слушать их истории о папе. Ей не хотелось обнажать свое горе – свежее и еще слишком острое – перед подвыпившими людьми.

Ближе к полуночи, когда она стояла на кухне, опустив руки по локоть в мыльную воду, к ней подошел Джефф и крепко обнял. Мередит охватило такое чувство, будто она вернулась домой после долгой поездки, и слезы, которые она столько дней подавляла, и мучительная боль от сегодняшней прощальной службы наконец выплеснулись наружу. Джефф прижимал ее к себе, гладил по волосам, как ребенка, снова и снова повторяя извечную ложь: *Все будет хорошо*. Когда не осталось сил плакать, она отстранилась, чуть не потеряв равновесие, и попробовала улыбнуться.

– Похоже, я слишком долго все держала в себе.

– Это ты любишь.

– Тебя послушать, так это что-то плохое. По-твоему, мне следовало сорваться?

– Может быть, да.

Мередит покачала головой. Когда он так говорил, ей становилось еще более одиноко. Он, похоже, думал, что ее, словно разбитую вазу, можно заново склеить, но ей было ясно: если она дойдет до предела, то какая-то часть ее «я» пропадет навсегда.

– Я ведь сам через это прошел, – сказал Джефф. – Ты поддержала меня, когда мои родители умерли. Разреши и мне помочь тебе.

– Я в порядке. Правда. В этот раз обойдусь без срывов.

– Мередит…

– Прекрати. – Голос прозвучал слишком резко, и она явно его обидела, но выдержка начала ей отказывать. Больше не было сил беспокоиться о чувствах других людей. – То есть… не переживай за меня. Я побуду немного тут, закончу дела. А девочки устали. Отвезешь их домой?

– Ладно, – сказал он, но в его взгляде мелькнула непривычная отчужденность.

Когда все разошлись и Мередит осталась одна в прибранной кухне, она почти сразу пожалела о принятом решении. Неужели так трудно было сказать: *Отвези меня домой, Джефф, и обними крепко-крепко…*

Она кинула полотенце для посуды на кухонную столешницу, налила себе бокал вина и вышла из своего убежища.

В гостиной Нина в одиночестве стояла перед пюпитром с огромным папиным портретом. В мятых армейских штанах и черном свитере, с растрепанными короткими волосами она выглядела скорее как подросток, собравшийся на сафари, чем как всемирно известный фотограф.

Но от Мередит не укрылась печаль в ее ярко-зеленых глазах – печаль, готовая вылиться через край, как вода в переполненном стакане. Она понимала, что Нина, как и она сама, не может ни выразить, ни даже сполна ощутить свою скорбь. Мередит было больно за них обеих и за ту женщину, которая, лежа наверху в холодной кровати, горевала о том же, что и они. Им бы сейчас держаться вместе, разделить боль утраты друг с другом и так хоть немного ее облегчить, но им это было не под силу. Мередит поставила бокал и подошла к Нине – младшей сестренке, которая в детстве умоляла ее запоминать каждую мамину сказку и рассказывать их, когда не могла уснуть.

– Мы по-прежнему есть друг у друга, – сказала Мередит.

– Да, – согласилась Нина, но в глазах обеих читалась правда. Обе знали, что друг друга им недостаточно.

Позже, когда Мередит вернулась домой и легла в кровать рядом с мужем, она осознала, какую ошибку совершила, и долго не могла уснуть, терзаясь сожалением. Вместо того чтобы играть на поминках роль официантки, ей стоило быть горюющей дочерью. Она так боялась своих чувств, что решила запрятать их как можно дальше, и оттого весь вечер прошел мимо нее. В отличие от Нины, она упустила возможность послушать рассказы папиных друзей о нем.

Около трех ночи она выскользнула из постели и вышла на веранду, где укрылась пледом и стала смотреть в пустоту. Дыхание превращалось в облачка пара, но даже мороз не мог притупить ее боль.

Следующие три дня Нина старалась участвовать в жизни семьи, но все ее попытки заканчивались провалом. Без папы они были словно случайные детали в настольной игре, правил и цели которой никто не знал. Мать почти не вставала с постели, глядела перед собой и вязала, вязала. Она даже не спускалась поесть, а затащить ее в душ удавалось лишь Мередит.

Рядом с проворной сестрой Нина всегда смутно ощущала себя бесполезной, но никогда еще это чувство не было таким явным. Мередит, будто Пакман[6], безостановочно шла вперед, вычеркивая из списка то одну, то другую задачу. Каким-то немыслимым образом она вышла на работу уже наутро после поминок, так что теперь занималась питомником и складами, хлопотала по дому и вдобавок не меньше трех раз за день заезжала в «Белые ночи» – проверить, как управляется Нина.

Все, что бы ни делала Нина, Мередит переделывала: заново пылесосила, мыла посуду, стирала белье. Нина могла бы возразить, но ей было, в общем-то, все равно, и Мередит продолжала метаться по дому, как объятая страхом птица, которая щебечет и хлопает крыльями. Даже вид у нее был напуганный – будто она стоит на самом краю обрыва и вот-вот упадет или прыгнет.

Но все это Нину не беспокоило.

Ее убивала скорбь.

В самое неподходящее время ее пронзала мысль: *Он умер*, и от внезапной боли она то задыхалась, то спотыкалась, то роняла стакан – и Мередит не упускала шанса съязвить.

Нина знала, что нужно уезжать. Больше ничего не остается. Здесь она никому не приносит пользы – и меньше всего самой себе.

Когда эта идея поселилась у нее в голове, Нина уже не могла ее отогнать. С утра она пыталась уверить себя, что нельзя просто так убегать, тем более под Рождество, но в три часа дня поднялась к себе в комнату, закрыла дверь и позвонила в Нью-Йорк редактору.

– Привет, Сильвия, – сказала она, когда та сняла трубку.

– Привет. Я только что тебя вспоминала. Как дела у папы?

– Он умер. – Произнося эти слова, Нина с трудом подавила боль.

Она подошла к окну бывшей детской и стала смотреть на снегопад. Хотя был еще даже не вечер, уже начинало темнеть.

– Боже, Нина. Мне очень жаль.

– Да, я знаю. – Всем окружающим было жаль. Что еще скажешь? – Я хочу вернуться к работе.

Повисла пауза.

– Так быстро?

– Да.

– Ты уверена? У тебя больше не будет шанса прожить это горе.

– Уж поверь мне, Сильвия, горя с меня достаточно.

– Как скажешь. Я наведу справки. Вообще-то мне действительно нужен кто-нибудь в Сьерра-Леоне.

– Война мне как раз подойдет, – сказала Нина.

– Ты чокнутая, сама-то понимаешь?

– Ага, – сказала она, – понимаю.

---

[6] Пакман – персонаж аркадной видеоигры, который должен съесть все точки в лабиринте и избежать столкновения с призраками, чтобы игрок перешел на следующий уровень.

Они поговорили еще пару минут, и Нина повесила трубку. Чувствуя себя одновременно и лучше, и хуже, она спустилась на кухню. Мередит, разумеется, мыла посуду.

Нина потянулась за полотенцем.

– Я бы вымыла сама.

– Тут тарелки со вчерашнего ужина и обеда. Когда, интересно, ты собиралась их мыть?

– Тише, тише. Это всего лишь посуда, а не…

– Не голодающие в Африке. Я помню. У тебя-то все дела важные. А я только управляю семейным бизнесом, забочусь о наших родителях и прибираю дом за героиней-сестрой.

– Я не это имела в виду.

Мередит повернулась к ней:

– Ну конечно.

Ее взгляд словно прожег Нину насквозь, разом обнажив все ее промахи.

– Я сейчас здесь, так ведь?

– Нет. Не похоже.

Мередит достала моющее средство и принялась тереть белую фаянсовую раковину.

Нина коснулась ее плеча.

– Извини, – только и смогла сказать она.

Мередит снова на нее посмотрела и провела по лбу тыльной стороной ладони, оставив мыльный след.

– Надолго ты с нами?

– Вряд ли. В Сьерра-Леоне…

– Обойдусь без подробностей. Ты опять удираешь. – На лице Мередит вдруг появилось что-то вроде улыбки. – Да я, черт возьми, на твоем месте сделала бы то же самое.

Нине стало стыдно как никогда. Она действительно удирала – от безразличной матери, осиротевшего дома, дерганой всезнайки-сестры, а главное, от воспоминаний, которых здесь было так много. Она понимала, что ее эгоизм тяжело отразится на Мередит и что, уехав, она махнет рукой на обещание, данное папе. Но бог свидетель, даже это не могло уже ее удержать.

– А что насчет его праха?

– Она хочет развеять его в мае, на папин день рождения. Когда оттает земля.

– Я приеду.

– Неужто второй раз за год?

Нина взглянула на сестру:

– Это не самый обычный год.

На секунду ей показалось, что Мередит вот-вот сорвется и разрыдается, и Нина сама едва не заплакала.

Но Мередит только сказала:

– Не забудь попрощаться с девочками. Сама знаешь, как они тебя обожают.

– Обязательно.

Мередит коротко кивнула и вытерла слезы.

– Через час мне надо быть на работе. Я пройдусь пылесосом перед уходом.

Нина хотела было предложить помощь – хоть напоследок, – но, решив уехать, она стала ощущать себя как скакун перед гонкой. Ей не терпелось умчаться.

– Пойду соберусь.

Позже, уложив немногочисленные вещи в рюкзак и отнеся его в арендованную машину, Нина поднялась наконец попрощаться с матерью.

Та сидела у камина, укутавшись в плед.

– Значит, ты уезжаешь, – не поднимая глаз, сказала мать.

– Меня вызвал редактор. Просят снять репортаж. В Сьерра-Леоне происходят ужасные вещи. – Присев на подножье камина, Нина вздрогнула от внезапного жара. – Кто-то должен показать это миру. Гибнут невинные люди.

– Думаешь, твои фотографии чем-то помогут?

Нину больно укололи ее слова.

– Нет ничего хуже войны, мам. Тебе легко осуждать меня, сидя в мирном уютном домике, но если бы ты видела то же, что я, ты бы все поняла. Мои фотографии правда могут помочь. Ты даже представить не можешь, сколько в мире страданий, и если этого никто не увидит…

– Мы развеем прах твоего отца в его день рождения. С тобой или без тебя.

– Хорошо, – ровным голосом ответила Нина. *Папа бы понял*, подумала она, и ее вновь захлестнуло горе.

– Ну, пока. Счастливого Рождества.

На этой ноте Нина и оставила «Белые ночи». Задержавшись на крыльце, она окинула натренированным взглядом фотографа долину, занесенную снегом. Пейзаж до мельчайших деталей отпечатался в ее памяти. Через тридцать девять часов и на плечах, и под ногами у нее будет в основном пыль, а воспоминания о том, на что она сейчас смотрит, сначала поблекнут, как кости животных под палящим солнцем, а потом станут неразличимыми. Ее родные, и особенно мать, превратятся в смутные тени, которые Нина будет все так же любить… но на расстоянии.

Глава 6

Пережить первые недели после смерти отца Мередит помогала разве что сила воли – и плотный график, достойный лагеря для новобранцев.

Горе стало ее безмолвным спутником, эта тень следовала за ней неотступно. Мередит знала, что если хоть раз поддастся соблазну повернуться к тьме лицом, то потеряет себя.

Поэтому она двигалась дальше. Важно было делать хоть что-то.

Как и стоило ожидать, Рождество и Новый год обернулись полным провалом, а ее одержимость праздничными обычаями только ухудшила положение. Индейка и прочие рождественские атрибуты лишь сильнее подчеркнули опустевшее место за их столом.

Джефф по-прежнему не понимал ее. Он твердил, что нужно поплакать и тогда станет легче, – будто от пары слезинок все сразу наладится.

Глупее ничего не придумаешь. Она уже знала, что слезы не помогают, потому что плакала каждую ночь. И сколько бы раз она ни просыпалась в слезах, это нисколько не облегчало страдания, скорее наоборот. Выплескивать горе нет толку, выкарабкаться можно, лишь заглушив его.

Так что она натягивала широкую улыбку, ходила на работу и с безудержным рвением набрасывалась на любые дела. Лишь когда девочки разъехались на учебу, Мередит наконец осознала, как утомила ее эта игра в нормальную жизнь. Не помогало делу и то, что с самых поминок ей ни разу не удалось выспаться; к тому же у них с Джеффом не было ни единой темы для разговора.

Она пыталась объяснить, какой холод и онемение чувствует, но он словно отказывался понимать. Ей нужно «выпустить пар», так он считал. Что бы, черт возьми, это ни означало.

Впрочем, она и сама не слишком рвалась с ним беседовать – бывало, что за весь день они обходились одними кивками. Может, ей и правда стоило больше стараться.

Она вымыла чашку из-под кофе, оставила ее на сушилке и спустилась в кабинет, где Джефф обычно работал над книгами. Тихонько постучавшись, отворила дверь.

Джефф сидел за письменным столом, купленным много лет назад. Они тогда нарекли эту комнату *писательским уголком* и, празднуя покупку, занялись любовью прямо на этом столе.

Однажды ты станешь звездой. Новым Рэймондом Чандлером.

Вспомнив тот день, она улыбнулась – пусть и печально было осознавать, что они уже перестали разделять друг с другом мечты и разошлись по разным путям.

– Как продвигается книга? – спросила она, прислонившись к дверному косяку.

– Надо же. Ты уже лет сто об этом не спрашивала.

– Серьезно?

– Серьезно.

Мередит нахмурилась. Ей всегда нравилось, как он пишет. В самом начале их брака, когда Джефф еще был неопытным журналистом, она читала каждую написанную им строчку. А когда он рискнул попробовать себя в прозе, именно Мередит стала его первым и главным критиком. По крайней мере, так он утверждал. Книга еще не нашла своего издателя, но Мередит всем сердцем верила в нее – верила в Джеффа. И очень обрадовалась, когда он наконец приступил к чему-то новому. Говорила ли она ему это?

– Прости, Джефф, – произнесла она, подойдя ближе. – Я в последнее время сама не своя. Дашь почитать то, что уже готово?

– Конечно.

Увидев, как легко вызвать его улыбку, она ощутила укол совести. Ей захотелось поцеловать его. Прежде поцелуи давались ей так же легко, как дыхание, но теперь стали чем-то из

ряда вон выходящим, и Мередит никак не могла решиться на этот шаг. Она мысленно внесла в список дел еще один пункт: *Прочитать книгу Джеффа*.

Он откинулся в кресле. Его улыбка была почти убедительной, но после двадцати лет брака Мередит не могла не разглядеть скрывавшуюся за ней уязвимость.

– Давай поужинаем где-нибудь и сходим в кино, – предложил он. – Тебе нужен отдых.

– Лучше, наверное, завтра. Сегодня надо оплатить для мамы пару счетов.

– Ты пашешь как сумасшедшая.

Мередит терпеть не могла, когда он говорил подобную ерунду. От чего, интересно, она должна отказаться? От работы? ухода за мамой? домашних дел?

– Со смерти папы прошло всего две недели. Будь снисходительнее.

– И ты к себе тоже.

Она представления не имела, что это значит, и ей было, в общем-то, наплевать.

– Мне пора. Увидимся вечером. – Она похлопала его по плечу.

Мередит вывела собак на огороженную часть двора, после чего поехала к дому родителей.

К дому матери.

Поправив себя, почувствовала острую боль, но постаралась ей не поддаваться.

Вскоре Мередит вошла в дом, закрыла за собой дверь и позвала мать.

Ответа не последовало – впрочем, как обычно.

Мать была в парадной столовой, которой пользовались в особых случаях. Она сидела за столом и бормотала что-то по-русски, разложив перед собой все украшения, подаренные мужем за годы брака. Рядом стояла роскошная шкатулка – давний рождественский подарок от Нины и Мередит.

Горе тяжело отразилось на красивом лице матери: щеки запали, заострив скулы, а словно обескровленная кожа была почти того же цвета, что седина. И только по глазам – необычайно голубым по контрасту с мертвенной бледностью – еще узнавалась та женщина, какой она была всего месяц назад.

– Привет, мам, – сказала Мередит, подойдя к ней. – Чем занимаешься?

– Смотри, сколько у нас украшений. Где-то тут должна быть и моя бабочка.

– Ты куда-то собираешься?

Мать резко вскинула голову. Встретившись с ней взглядом, Мередит увидела в голубых глазах смятение.

– Мы можем продать их.

– Нам незачем продавать твои украшения, мам.

– Вот увидишь, скоро они перестанут выдавать деньги.

Перегнувшись через плечо матери, Мередит собрала в кучу все побрякушки. Настоящих драгоценностей среди них не было – папа делал подарки от души, не стремясь выбрать что-нибудь подороже.

– Не волнуйся за счета, мам. Я буду их оплачивать.

– Ты?

Мередит кивнула и помогла матери встать, удивившись послушности, с которой та поднялась вместе с ней по лестнице.

– А с бабочкой все в порядке?

Мередит снова кивнула.

– Все хорошо, мам, – сказала она, укладывая ее в постель.

– Слава богу, – выдохнула мать и закрыла глаза.

Мередит долго стояла рядом, наблюдая, как та спит. Наконец она потрогала ее лоб – не горячий – и осторожно убрала упавшую на глаза матери прядку седых волос.

Убедившись, что мать крепко заснула, она спустилась и позвонила на работу.

Дэйзи ответила с первого же гудка.

– Офис Мередит Уитсон-Купер.

– Привет, Дэйзи, – все еще хмурясь, сказала Мередит. – Я сегодня поработаю из «Белых ночей». Мама ведет себя странновато.

– Горе доведет и не до такого.

– Да уж, – проговорила Мередит, вспомнив, как часто сама просыпается среди ночи в слезах. Вчера она была такой изможденной, что добавила в кофе апельсиновый сок вместо соевого молока и успела выпить полчашки, прежде чем это заметила. – Не поспоришь.

Если Мередит, как говорил муж, в первые недели пахала как сумасшедшая, то к концу января и впрямь оказалась на грани безумия. Она видела, что Джефф уже теряет терпение, даже начинает злиться. Из раза в раз он советовал ей нанять кого-нибудь для ухода за матерью, или сам предлагал помочь, или – что было хуже всего – просил проводить больше времени с ним. Но как же ей выкроить время – с таким-то количеством дел? Она взяла было к матери в дом экономку, но закончилось все полным крахом. После недели в «Белых ночах» бедняжка внезапно уволилась, объяснив, что хозяйка следит за каждым ее движением и запрещает к чему-либо прикасаться.

И вот, пока Нина была бог знает где, а мать с каждым днем вела себя все более странно и отчужденно, Мередит приходилось все делать самой. Она дала папе слово, что будет присматривать за матерью, и не могла его подвести. Поэтому она продолжала идти вперед и делать все необходимое. Только находясь в движении, ей удавалось подавлять боль.

Рутина стала ее спасением.

Каждое утро Мередит вставала чуть свет, пробегала свои четыре мили, готовила завтрак для мужа и матери и уходила на работу. К восьми часам она уже была в офисе. В полдень заезжала в «Белые ночи», чтобы проведать мать, оплатить счета или прибраться в доме. Потом до шести снова работала, по дороге забегала в магазин за продуктами, часов до семи или восьми сидела у матери, и если та особенно не чудила, то к восьми тридцати возвращалась домой и ела то, что они с Джеффом успевали сварганить на ужин. Ровно в девять она засыпала на диване и каждый раз, как по часам, просыпалась в три ночи. Единственным плюсом в этом бешеном ритме была возможность пораньше позвонить Мэдди, которая жила в другом часовом поясе. Иногда только телефонные разговоры с дочерями помогали ей продержаться до конца дня.

Время едва перевалило за полдень, когда она, уже уставшая как собака, позвонила по внутреннему телефону Дэйзи:

– Я поеду домой на обед, вернусь через час. Сможешь отправить Гектору отчеты по складу и напомнить Эду, чтобы выслал мне информацию про виноград?

Дэйзи тут же возникла на пороге ее кабинета.

– Я за тебя беспокоюсь, – сказала она, прикрыв дверь.

Мередит была тронута.

– Спасибо, Дэйзи, но я в порядке.

– Ты слишком себя изнуряешь. Ему бы вряд ли это понравилось.

– Знаю, Дэйзи. Спасибо.

Проводив ее взглядом, Мередит схватила сумку и ключи от машины и вышла из офиса.

На улице снова шел снег, повсюду – на парковке и на дорогах – превращаясь в слякоть.

Мередит медленно подъехала к дому матери, припарковала машину и вошла. Повесив пальто в прихожей, она позвала мать.

В ответ – тишина.

Порывшись в холодильнике, Мередит отыскала готовые вареники, размороженные накануне, и пластиковый контейнер с супом из чечевицы. Уже собираясь подняться в комнату матери, Мередит заметила темную фигуру в зимнем саду.

Да сколько же можно…

Она натянула пальто и сквозь метель побрела к саду.

– Мама, – сказала она, не сдерживая отчаяния, – пора бы уже прекращать. Пойдем-ка в дом. Я разогрею тебе вареники и суп.

– Из ремня?

Мередит отрицательно покачала головой. Похоже, мать снова бредит.

– Пойдем. – Она помогла матери подняться – та была босая, ноги посинели от мороза – и проводила на кухню, где укрыла большим пледом и усадила за стол. – Ты в порядке?

– Не беспокойся за меня, Оля, – сказала мама, – лучше проведай нашего львенка.

– Мама, это я, Мередит.

– Мередит, – повторила мать, как бы не понимая.

Мередит нахмурилась. Мать все меньше походила на человека в здравом уме. Это уже не скорбь, а кое-что посерьезнее.

– Мам, давай сходим к доктору Бернсу?

– Что мы ему отдадим?

Мередит вздохнула, разогрела в микроволновке вареники с бараниной и переложила на холодную тарелку. Проделав то же самое с супом, она поставила еду на стол перед матерью.

– Осторожно, не обожгись. Я схожу за твоей одеждой и позвоню доктору. Ты пока посиди, хорошо?

Поднявшись на второй этаж, она позвонила Дэйзи и попросила ее записать мать на прием к доктору Бернсу. Затем с вещами спустилась к матери и помогла ей встать из-за стола.

– Ты все съела? – удивилась Мередит. – Отлично. – Она натянула на мать свитер, помогла ей надеть носки и теплые сапоги. – Надевай пальто. Я заведу машину.

Когда она вернулась за матерью, та стояла в прихожей и криво застегивала пальто.

– Вот так, мам. – Мередит застегнула все пуговицы заново. И тут почувствовала, что пальто почему-то теплое. Засунув руку в карман, она нащупала там вареники – по-прежнему горячие, в пропитанных жиром бумажных салфетках. *Это еще что?*

– Для Ани, – сказала мама.

– Я знаю, что это твое, – нахмурившись, ответила Мередит. – Дай-ка я сложу их тут, хорошо? – Она переложила вареники в керамическую миску, стоявшую на консольном столике. – Поехали, мам.

Она вывела мать из дома и посадила в свой внедорожник.

– Откинься на спинку. Поспи немного. Ты, наверное, валишься с ног.

Она завела мотор и поехала в город, где припарковалась возле кирпичного здания кашмирской больницы.

За стойкой регистрации сидела ее старая знакомая, Джорджия Эдвардс, – все такая же бойкая красотка, какой она была и в старшей школе Кашмира.

– Привет, Мер, – улыбнулась она.

– Привет, Джорджия. Дэйзи записала на прием мою маму?

– Ты же знаешь Джима. Он готов на все ради вашей семьи. Можете проходить в приемную номер один.

Только возле самой приемной мать, кажется, сообразила, куда попала.

– Это просто смешно, – сказала она, выдергивая руку, за которую ее держала Мередит.

– Спорь сколько хочешь, – ответила Мередит, – но мы все равно идем к доктору.

Мать расправила плечи, подняла подбородок и ускорила шаг. В приемной она села на единственный стул.

Мередит закрыла дверь.

Через пару минут в комнату, улыбаясь, вошел доктор Джим Бернс. Его добрые серые глаза и лысая голова, похожая на бильярдный шар, напомнили Мередит об отце. Джим Бернс

много лет был папиным партнером по гольфу, а отец Джима – папиным близким другом. Доктор Бернс крепко обнял Мередит, как бы говоря, что соболезнует ей и тоже тоскует по Эвану.

– Ну что, – сказал он, когда они разомкнули объятия, – как поживаете, Аня?

– Спасибо, Джеймс, я в порядке. Сам знаешь, Мередит любит понервничать.

– Можно вас осмотреть? – спросил он.

– Пожалуйста, – сказала мама. – Только в этом нет смысла.

Джим провел обычный осмотр, как при простуде, затем что-то записал в ее карточке и спросил:

– Какой сегодня день, Аня?

– Тридцать первое января две тысячи первого года, – сказала она, и в ее взгляде читалась ясность и уверенность. – Сегодня среда. В стране новый президент, Джордж Буш-младший. Столица нашего штата – Олимпия.

Джим помолчал.

– Как вы, Аня? Если серьезно?

– Сердце бьется. Легкие дышат. Ложусь спать, потом просыпаюсь.

– Возможно, вам следует обратиться к специалисту.

– К какому же?

– К тому, с кем можно поговорить о вашей утрате.

– О смерти нечего говорить. Вы, американцы, считаете, что разговоры способны что-то изменить. Это не так.

Он кивнул.

– А моей дочери, пожалуй, специалист бы не помешал.

– Хорошо, – сказал доктор, снова что-то черкнув в карточке. – Я пообщаюсь немного с Мередит, а вы пока посидите в приемной, ладно?

Ничего не ответив, мать вышла из кабинета.

– С ней что-то не так, – сказала Мередит, как только они с доктором остались одни. – Она то и дело бывает дезориентирована, плохо спит, а сегодня набила карманы едой и говорила о себе в третьем лице. Постоянно переживает за какого-то львенка и назвала меня Олей. По-моему, она путает свои сказки с жизнью. Вчера она бормотала одну из них себе под нос… как будто для папы. Ей всегда тяжело давалась зима, но сейчас дело не в этом. С ней правда что-то не так. Может быть, это Альцгеймер?

– По-моему, она в здравом уме.

– Но…

– Дай ей время, чтобы справиться с болью.

Мередит попыталась возразить, но он перебил:

– Каждый справляется так, как может. Они были женаты пятьдесят лет, а теперь она осталась одна. Просто старайся ее слушать и говорить с ней. И пореже оставляй в одиночестве.

– Уж поверь, Джим, она будет одинокой что со мной, что без меня.

– Значит, разделяй с ней ее одиночество.

– Ясно, – сказала Мередит. – Спасибо, Джим, что согласился принять нас. Отвезу ее домой и вернусь на работу. Нужно успеть на встречу к четверти третьего.

– Если хочешь, я выпишу тебе рецепт на снотворное. Мне кажется, тебе надо слегка сбавить темп.

Получай Мередит по десять долларов всякий раз, когда кто-нибудь – особенно ее муж – давал ей подобный совет, она могла бы уже загорать где-нибудь в Мексике.

– Ты прав, Джим, – сказала она. – Как же я сама не подумала.

В невыносимо жаркий день, спустя месяц с лишним после отъезда из штата Вашингтон, Нина стояла в толпе отчаявшихся, измученных беженцев. Со всех сторон ее окружали люди,

сгрудившиеся возле грязных, обвисших шатров. Эти люди находились в критическом положении: многие были ранены или пережили насилие, но все проявляли поразительное мужество. Изнемогая от жары и пыли, они прошли несколько миль за ведерком воды и ждали пару часов, прежде чем волонтеры Красного Креста выдали им немного риса, – но дети, вопреки всему, продолжали играть в грязи, и, помимо плача, то и дело звучал смех.

Нина была не менее грязной, уставшей и голодной, чем остальные. Она прожила в этом лагере уже две недели, а перед этим моталась по Сьерра-Леоне, прячась, перебираясь ползком, чтобы ее не заметили и тоже не подстрелили и не изнасиловали.

Она присела на корточки над высохшей красноватой грязью. Вокруг не смолкал гул: насекомые, голоса, шум двигателей вдали. Слева, над армейской палаткой, висел потрепанный флаг с красным крестом. Сотни раненых терпеливо дожидались помощи, стоя в очереди.

Перед Ниной, в жалкой полутени от палатки, прижавшись к жене, скорчился иссохший старик. Он недавно потерял ногу, и одеяло, которым его укрыли, пропиталось кровью из культи. Жена уже много часов не покидала его, стараясь утешить, хотя и ее истощенное тело, должно быть, изнывало от боли. Она смочила губы мужа парой драгоценных капель воды.

Нина закрыла объектив и поднялась на ноги. Окинув взглядом лагерь, она ощутила неизбывную усталость. Впервые за всю карьеру она не могла спокойно смотреть на все эти ужасы. Не то чтобы здесь было страшнее, чем где-то еще. Дело не в этом. Изменилась не ситуация, а сама Нина. Ее горе постоянно было с ней, и это бремя не давало отстраняться от внешнего мира.

Многие считали, что ее работа сводится к тому, чтобы *быть* в нужном месте, как будто достаточно навести объектив и нажать на кнопку спуска затвора, но на деле Нина вкладывала в снимки саму себя, все мысли и чувства. Чтобы по-настоящему тонко зафиксировать на пленке чужие страдания, нужна идеальная концентрация. Необходимо полностью отдаться моменту – и вместе с тем не вмешиваться в него.

Нина открыла рюкзак и достала спутниковый телефон. Стараясь не слишком удаляться от лагеря, она отошла на восток, настроила оборудование, установила антенну и позвонила Дэнни.

Когда раздался его голос, у нее словно камень с души упал.

– Дэнни! – Из-за помех ей приходилось практически кричать.

– Нина, милая. Я решил, что ты обо мне забыла. Где ты сейчас?

Она поморщилась.

– В Гвинее. А ты?

– В Замбии.

– Я устала, – неожиданно для себя сказала она. Кажется, ей еще ни разу не доводилось произносить эту фразу – во всяком случае, в связи с работой.

– Можем встретиться в среду на Мнембе.

Голубой океан. Белый песок. Секс.

– Договорились.

Она завершила звонок и убрала телефон. Закинув рюкзак за плечо, вернулась в лагерь. Прибыл новый наряд грузовиков с продуктами от Красного Креста, и вокруг уже образовалось столпотворение. Едва не врезавшись в двух женщин, которые тащили коробки с продуктами, Нина прошла мимо палатки, возле которой делала снимки.

Мужчина, истекавший кровью, умер. Его жена, сидевшая все в той же позе, баюкала труп.

Нина задержалась, чтобы сфотографировать их, но на этот раз стекло объектива не смогло ее защитить. Опустив камеру, она поняла, что плачет.

Удобно устроившись под кондиционером на заднем сиденье внедорожника, Нина разглядывала в окно занзибарские виды. Узкие лабиринты улиц кишели людьми: женщины в мусуль-

манских платках и длинных одеждах, дети в сине-белой школьной форме и группы мужчин. Торговцы на обочинах пытались всучить прохожим все, что только можно представить, от фруктов и овощей до теннисной обуви и почти неношеных футболок. В зарослях за дорогой женщины – большинство с детьми на руках или спине – собирали бутоны гвоздичного дерева и ссыпали их кучками у обочины, чтобы высохли под солнцем.

Когда машина съехала с шоссе и свернула на пыльную грунтовку, ведущую к пляжу, Нине пришлось вцепиться в ручку дверцы. Дорога была сплошь усыпана обломками кораллов, как и весь остров, так что колесо могло лопнуть в любую секунду. Теперь они медленно ползли мимо деревенек, выросших прямо посреди пустоты; в хлипких загонах паслась скотина, женщины в ярких чадрах и платьях собирали хворост, дети качали воду из колодца. Маленькие темные хижины были сооружены из того, что оказалось под рукой: палок, глины, коралловых обломков. И на всем вокруг лежал налет красноватой пыли.

На пляже, который уже показался впереди, жизнь так и кипела. На мелководье покачивались деревянные лодки, а их хозяева возились с сетями, раскинутыми на песке. Мальчишки в лохмотьях рыскали в поисках туристов и предлагали сфотографировать себя за пару американских долларов.

Забравшись в белоснежную моторную лодку, Нина сразу же ощутила, как ее покидает напряжение. Наконец-то расслабились забитые мышцы шеи. В перепачканное пылью лицо дул ветер, играл спутанными волосами, пока лодка неслась по спокойному морю. Вдыхая соленый воздух, Нина поняла, какая она счастливая, даже вопреки папиной смерти. В любой момент она может сбежать от ужасов жизни и уже на следующий день проснуться совсем в другом месте – достаточно одного телефонного звонка и билета на самолет.

Когда Нина добралась до Мнембы – крошечного атолла в Занзибарском архипелаге, – Золтан, управляющий островом, уже ждал ее на берегу с бокалом белого вина, который он обернул влажной салфеткой. Золтан узнал Нину, и его красивое смуглое лицо расплылось в широкой улыбке.

– Рад снова вас видеть.

Она спрыгнула из лодки в теплую воду, держа высоко над головой сумку с техникой.

– Спасибо, Золтан. Я тоже рада здесь быть. – Она приняла у него бокал. – Дэнни уже приехал?

– Он в седьмом бунгало.

Закинув на плечи рюкзак и сумку с камерой, Нина побрела через пляж. Песок был ослепительно белым из-за кораллов, а вода потрясающего аквамаринового оттенка – почти, как глаза ее матери.

На острове было девять частных бунгало – открытых хижин с соломенной крышей, спрятанных от чужих глаз в густых зарослях. Постояльцы пересекались друг с другом – и с персоналом – только в обеденной хижине или во время заката, когда на пляже перед каждым бунгало выставлялся столик с коктейлями.

Отыскав на шезлонгах неприметную цифру «семь», Нина зашагала по песчаной тропинке к домику. Две крошечные, не крупнее кроликов, антилопы с острыми, как пики, рогами перебежали ей дорогу и скрылись.

Она увидела Дэнни раньше, чем он ее. Он сидел в плетеном бамбуковом кресле, закинув босые ноги на столик, прикладывался к бокалу с пивом и читал. Она облокотилась на деревянные перила.

– Пиво, конечно, выглядит соблазнительно, но не настолько, как ты.

Дэнни отложил книгу и встал. Даже в застиранных камуфляжных шортах, с давно не стриженными черными волосами и темной щетиной он был очень красив. Притянув Нину к себе, он поцеловал ее в губы, но она со смехом оттолкнула его:

– Я же грязная.

– За это я тебя и люблю, – ответил он, целуя ее чумазую руку.

– Мне надо в душ, – сказала она, расстегивая рубашку.

Дэнни провел ее сначала через бунгало, а потом вниз по деревянной дорожке к ванной и уличному душу. Под струей горячей воды она расстегнула лифчик, сбросила шорты и трусы, а затем ногой оттолкнула намокшие вещи подальше. Дэнни начал намыливать ее тело, и это было больше похоже на прелюдию: когда Нина прильнула к нему, вся в мыльной пене, им хватило одного касания. Он тут же подхватил ее на руки и отнес в бунгало.

Позже, переведя дыхание, они улеглись в обнимку на кровати с пологом.

– Боже, – сказала она, пристроив голову у него под мышкой, – я и забыла, как хорошо у нас это получается.

– У нас многое хорошо получается.

– Знаю. Но это – лучше всего.

Повисла пауза, и она поняла, что сейчас он скажет что-то не очень приятное.

– Когда твой отец умер, я узнал об этом от Сильвии.

– А что я должна была сделать? Поплакаться тебе в трубку? Описать, как он умирал?

Он повернулся на бок, увлекая ее за собой, и они оказались лицом к лицу. Он скользнул рукой по ее спине, положил ладонь на изгиб бедра.

– Я же из Дублина, забыла? Я знаю, каково терять близких, Нина. Знаю, как боль разъедает тебя изнутри, словно серная кислота. Знаю, как хочется от нее убежать. Думаешь, только ты приехала в Африку ради этого?

– Чего ты хочешь от меня, Дэнни? Чего?

– Расскажи мне про своего отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.